

Убийство на острове Мюстик

Автор:

[Энн Гленконнер](#)

Убийство на острове Мюстик

Энн Гленконнер

Супер белый детектив

Тропический детектив – и бешеная гонка с временем.

Добро пожаловать на остров Мюстик – рай для самых богатых и знаменитых! Здесь вас ждут потрясающая природа, чистейшее море и кораллы. По вечерам для вас будут петь суперзвезды рок- и поп-музыки – ведь их дома находятся рядом с вашим. А если вас здесь случайно убьют – это преступление будет расследовать лично... фрейлина принцессы Маргарет!

Леди Вероника Блейк, знатная дама и бывшая фрейлина Ее королевского высочества, собирается устроить на Мюстике вечеринку в честь совершеннолетия Лили, своей племянницы. Однако, прибыв на остров, она узнает жуткую новость: бесследно исчезла Аманда, лучшая подруга Лили. И есть подозрения, что живой ее уже никто никогда не увидит. Преступление? Но Мюстик – самое безопасное место на земле, здесь все свои, и она прекрасно всех знает. Чужаков на острове нет. Несчастный случай? Но где же тогда тело?.. До начала праздника леди Ви должна найти ответ. А если это убийство – то и убийцу.

«Замечательно... роман, полный блеска, интриг и слухов». Telegraph Magazine

«Полный деталей жизни высшего общества, этот роман дарит чувство сопричастности с закулисным миром жизни богатых и знаменитых... и вместе с тем возможность соприкоснуться с не столь светлыми сторонами их жизни». Daily Mail

«Вы будете очарованы не только самой историей, но и необычной – и необычно привлекательной – личностью самого автора». Sunday Telegraph

Детектив, написанный уникальным человеком – бывшей фрейлиной британской королевы Елизаветы II и ее сестры, принцессы Маргарет. Ее мемуары стали в 2019 году абсолютным бестселлером.

Карибский остров Мюстик совершенно реален и очень знаменит. После того, как леди Энн Коук вышла замуж за Колина Теннанта, 3-го барона Гленконнера, в 1958 году супруги купили его и обустроили там курорт для самых богатых и знаменитых людей планеты – аристократов, промышленных и финансовых воротил, звезд кино, музыки и шоу-бизнеса. Его посещали и посещают такие люди, как, к примеру, Брайан Адамс, Мик Джаггер, Робби Уильямс, Дэвид Боуи, Кейт Мосс, Билл Гейтс, Томми Хилфигер, Дженнифер Лопес, Хью Грант, Кейт Миддлтон и принц Уильям.

Энн Гленконнер

Убийство на острове Мюстик

Anne Glenconner

Murder on Mustique

© Anne Glenconner 2020

© Павлычева М. Л., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Колину, который превратил Мюстик в наш дом

Мы должны идти дальше, потому что не можем повернуть назад.

Роберт Льюис Стивенсон «Остров сокровищ»

Часть I

Прогноз погоды в тропиках

Национальный центр по ураганам, Майами, Флорида

Пятница, 13 сентября 2002 года

Прогноз для Северной Атлантики и Карибского моря

Информационное сообщение Национального центра по ураганам по тропическому шторму «Кристоваль», локализовавшемуся в ста милях к востоку от побережья Южной Каролины.

Циклон продвигается на юго-восток. Степень риска на текущий момент: низкая.

Пролог

Пятница, 13 сентября 2002 года

Пять утра, и Аманда Фортини в красном бикини идет под пальмами к Британния-Бэй. Она босая и еще хмельная после вчерашней вечеринки. Нырря на

островном коралловом рифе и бездельничая у бассейнов друзей, Аманда загорела, а за шесть недель после приезда на Мюстик ее светлые волосы стали на два тона светлее. Она останавливается на мгновение, вдыхает аромат диких лиан, цветущего гибискуса и приключений. Этот запах поднимает ей настроение, и она идет дальше по дороге, тянувшейся в зарослях высоких, по плечо, папоротников. Ей двадцать три, и она впервые ощущает ответственность за свою жизнь. Она совершала ошибки и выбирала не тех мужчин, несмотря на то что статус нью-йоркской светской львицы позволял ей знакомиться со многими достойными холостяками. Теперь хватит. Ее уверенность в принятом решении только укрепляется, когда перед ней открывается океан, бирюзовый и сверкающий до самого горизонта.

Молодая женщина улыбается, окидывая взглядом пляж – тянущуюся широким полумесяцем полосу розоватого песка. Жара усиливается, хотя Аманда и находится на западной стороне острова, и поднимающееся солнце греет ей спину. Еще рано, поэтому вокруг никого нет. Океан манит ее к себе, приглашая побегать в линии прибоя, как это делают счастливые дети. Она может делать здесь все, что угодно. За деревьями не прячутся журналисты, они не подстерегают ее, как на Манхэттене, не вынуждают ее постоянно быть настороже. Быть знаменитостью – вот цена, которую она платит за принадлежность к богатой семье, и требования этого статуса постоянны. Все подробности ее жизни появляются на страницах гляцевых журналов. Мюстик – это единственное место, где она может расслабиться без свидетелей. И это пьянящее ощущение свободы заставляет ее кружиться, окидывая взглядом заросли джунглей, девственно-белую виллу на холме и солнце, бросающее монетки света на поверхность воды. Карибское море спокойно, как чаша с ртутью, и с радостью готово принять ее в себя.

Аманда заходит в воду, сначала медленно, позволяя ряби смыть с кожи жар ее вчерашнего танца на пляже у костра. На фоне горизонта покачивается огромная яхта, ее палуба сияет в лучах солнца. Следующая волна приподнимает Аманду, отрывая от песка, и она не сопротивляется ей. Ее мышцы свободны и раскованны, когда она отплывает от берега, быстро работая руками и ногами.

Оборачивается только один раз. Мюстик похож на рекламу отдыха в тропиках; высокие холмы окружены густыми лесами и пустынными пляжами. Аманда переворачивается на спину, обращая лицо к солнцу, и отдается во власть течения.

Пока она любуется соблазнительными очертаниями острова, откуда-то начинает звучать слабый шум. Она узнает уродливое механическое рычание мотора, которое с каждым мгновением становится громче. Может, это местный рыбац или хозяин яхты? Но почему он идет так быстро? Всем известно, что здесь, в воде, всегда полно купающихся. Аманда переворачивается и видит, что катер несется прямо на нее. Инстинкт вынуждает ее нырнуть на глубину. Лодка пролетает в дюйме от ее лица. Неужели там не видели, как она махала им? Почему они не изменили курс? Лодка резко разворачивается, и Аманда в панике снова ныряет. В третий раз, когда лодка несется на нее, ее реакция оказывается недостаточно быстрой.

Нос лодки подбрасывает ее вверх, как тряпичную куклу, а потом она падает в воду. Перед ее глазами мелькают лица тех, кого она любит: матери, друзей. Практически без сознания, Аманда поднимается на поверхность; шум волн отдается у нее в ушах гулом. Ее взгляд снова останавливается на острове, как объектив фотоаппарата, делающего последний снимок рая...

Глава 1

Суббота, 14 сентября 2002 года

Мои руки висят над картонной коробкой с надписью «Принцесса Маргарет» на крышке. В это утро я дома, на своей норфолкской ферме, и делаю то, что откладывала несколько месяцев. Я уже знаю, что в коробке: подарки, которые принцесса дарила мне в течение четырех десятилетий моей службы при ней в качестве фрейлины. Семь месяцев назад, после ее похорон, я отнесла коробку на чердак.

Письма принцессы Маргарет собраны в аккуратные стопки; на конвертах ее цветистым почерком написан мой полный титул, «Леди Блейк». От вида этих писем у меня в горле встает комок. Она всегда писала мне, если нас разделяла болезнь или семейные обязанности, однако пока что я не могу заставить себя перечитать их. Мне всего лишь нужно найти что-нибудь в подарок на двадцать первый день рождения моей крестнице Лили Колдер. Девочку всегда завораживал прекрасный мир, в котором существовала принцесса. Перебирая подарки, я не замечаю времени. Изящная подставка для яиц из белого фарфора

с золотой полоской, бирюзовый шелковый шарф, резная мыльница из эбонитового дерева... Принцессе нравилось дарить практичные вещи, она всегда тщательно выбирала подарки. Все это пробуждает воспоминания о вояжах принцессы, об окружавшем ее мерцании фотовспышек, которые сначала льстили ей, а потом, в месяцы, предшествовавшие смерти, высвечивали жестокую реальность. Я беру шелковый шарф и в очередной раз восхищаюсь им. Первый подарок принцессы – она подарила мне этот шарф в 1955 году, после того как Джаспер купил Мюстик, а он купил его задолго до того, как на острове появились электричество или водопровод. Это будет отличным подарком для Лили, особенно когда она узнает о его происхождении. Я знаю, что принцесса не стала бы возражать – ей всегда нравилось, когда вещам находилось достойное применение.

В половине девятого звонит телефон, и я испытываю облегчение от того, что прошлому не удастся поглотить меня. Я уверена, что звонит мой муж с желанием сгрузить на меня свои тревоги, но голос на том конце линии принадлежит моей крестнице. Я забочусь о Лили последние шестнадцать лет, с тех пор, как умерла ее мать. Крестница живет на нашей вилле на Мюстике, и я не ожидала, что она будет звонить домой; время на острове отстает от британского на пять часов, так что, должно быть, она встала до рассвета. Я слушаю ее, а Лили рассказывает, как проводит время, как работает над начатым много лет назад ее матерью проектом по сохранению рифа, защищающего остров. С подросткового возраста она каждое лето трудилась на рифе, как ломовая лошадь, а с июля, получив степень по биологии моря, стала работать уже как штатный сотрудник. Добровольцы помогают ей пересаживать живые кораллы на участки, обесцвеченные загрязняющими веществами и повышением температуры морской воды. Любой, не научившийся улавливать оттенки ее голоса, не расслышал бы в нем беспокойство.

– Рассказывать больше не о чем, Ви. Я просто хотела пообщаться с тобой.

– Для тебя еще слишком рано, дорогая. У тебя всё в порядке?

Она колеблется чуть дольше.

– Всё в порядке. Жду не дождусь, когда увижу тебя, вот и всё. Ведь вы с Джаспером приедете на мой день рождения, да?

– Мы ни за что не пропустили бы его. Я вылетаю в следующие выходные, так что у нас есть неделя, чтобы решить, как тебе хотелось бы его отпраздновать. Джаспер обещал присоединиться к нам. – Слышу, как она делает глубокий вздох, будто пытается сдержать слезы. – У тебя что-то случилось, верно?

Я жду ее ответа; молчание всегда было лучшим способом пробить брешь в замкнутости Лили. У девочки жизнерадостный характер, но приближается годовщина смерти ее матери, и это всегда выбивает ее из равновесия.

– Вчера вечером должна была зайти Аманда, но так и не пришла.

– Может, она забыла. Почему бы тебе самой днем не зайти к ней?

– Вся неделя была какой-то странной. Несколько дней назад, ночью, когда я возвращалась домой из бара «У Бейзила», я слышала шаги. Кажется, кто-то шел за мной.

– Ты уверена? Может, кто-то просто шел на свою виллу после того, как выпил слишком много коктейлей?

– Возможно, ты права, – говорит она, и ее голос звучит увереннее. – Сообщи, когда узнаешь номер рейса. Я тебя встречу.

– Лили, проведи день с друзьями. Мне неприятно от мысли, что ты одна в этом огромном доме.

– Со мной всё в порядке, честное слово. У меня масса работы на лодке.

– Дорогая, тебе не запрещается время от времени отдыхать. Едва ступлю на остров, я буду развлекать тебя пикниками и сплетнями.

Она издает короткий смешок.

– Это то, чего мне не хватает... Я скучаю по тебе.

– Я тоже, но мы скоро будем вместе.

На прощание я говорю Лили, что люблю ее. Напряжение, что я слышала в ее голосе, продолжает беспокоить меня; она никогда не поднимала шум по пустякам, и если уж заволновалась, значит, для этого есть основания. Должно быть, она заработалась, если переполошилась из-за того, что за ней кто-то шел, в одном из самых безопасных мест мира. Девочка всегда больше переживает за других, чем за себя, и именно поэтому я планирую устроить грандиозную вечеринку-сюрприз в честь ее дня рождения. Я хочу, чтобы Лили знала, как много она значит для Джаспера и меня, и для наших взрослых детей. Я получала удовольствие, воспитывая ее, однако она, кажется, всегда сомневалась в том, что занимает важное место в нашей семье.

Мои мысли остаются с Лили, когда я снова заглядываю в коробку. Следующий предмет, что я достаю, – цитриновые бусы, и они пробуждают более радостные воспоминания. Принцесса Маргарет выбрала их в подарок мне, так как считала, что они будут отлично смотреться с моим любимым платьем.

Я уже собираюсь убрать коробку обратно на чердак, когда телефон снова звонит. По сердитому молчанию на том конце я понимаю, что это мой муж. У этого человека настолько неровный характер, что он может в одно мгновение переключиться с заразительного веселья на малодушную ярость.

– Джаспер, это ты?

– А кто еще это может быть? – резко бросает он.

– Кто-нибудь из друзей или дети.

– Ай, Ви, ради бога, у меня тут полный крах... Мне придется бросить весь проект.

– В каком смысле?

– Этот чертов архитектор – полный недоумок. С виллами катастрофа, и казуарины, что я хотел сохранить, все срубили. Уж лучше б я с самого начала сдался. – Его голос поднимается все выше, предупреждая меня о том, что Джаспер сейчас взорвется.

– У тебя все наладится, – спокойно говорю я. – Пожалуйста, Джаспер, выслушай меня. В следующую субботу я лечу на Мюстик, чтобы подготовить вечеринку на день рождения Лили. Обещай мне, что соберешь все костюмы и вовремя привезешь их. Это не просто семейный праздник; гости съедутся со всего мира.

– Господи, да впереди еще две недели... В последние месяцы ты только об этом и говоришь.

– Не забывай, это сюрприз. Ты не должен никому даже заикаться об этом, особенно Лили.

– Я умею хранить секреты, Ви, ты отлично это знаешь... Ох, жаль, что ты не видишь Карибское море; сегодня вода чистейшая, в небе ни облачка. Всё как в те дни, когда мы спали в палатке на Мюстике. Здорово было, правда?

– Если не считать мерзких комаров.

Джаспер смеется.

– Бедняжка, стоило одному укусить тебя, и на тебя бросался целый рой.

– Даже не напоминай.

– Здесь Филип, он поддерживает меня. Ты по нам скучаешь?

– Да, конечно.

– Помнишь, как всё здесь, на Мюстике, начиналось? Мы голыми руками ловили в лагуне лобстеров, потом целый день грелись на солнышке. Я именно так и представлял рай.

Напряжение в голосе Джаспера уже сменилось тоской, на первый план вышла мягкая сторона его натуры. Последние две недели мой муж находится на Сент-Люсии, где контролирует свой недавний проект по строительству пляжного комплекса с виллами, которому предстоит конкурировать с Мюстиком. Я не позволяю себе спрашивать, в какую сумму все это обходится, – проект уже поглотил огромную часть его состояния. Всю свою жизнь я наблюдала за

перепадами настроения Джаспера, радуясь хорошему и переживая плохое. Лучше забыть о деньгах, которые так легко утекают у него сквозь пальцы, и сосредоточиться на будущем.

Я откладываю телефон. С яблонь за моим окном падают листья. Сейчас начало медленного осеннего увядания, мое самое нелюбимое время года, потому что оно напоминает о том, что мне семьдесят. Моих родителей вдохновила очень стойкая героиня из романа Герберта Уэллса, и они при рождении дали мне ее второе имя, Вероника. Я всегда стараюсь следовать ее примеру. Интуиция подсказывает мне, что нужно менять планы и сегодня же лететь на Мюстик, чтобы быть с Лили. Я без промедления заказываю билет и выезжаю.

Глава 2

Детектив-сержант Соломон Найл сидит в своем кабинете и гадает, чем бы ему заполнить день. Он заступил на должность всего три месяца назад, и теперь на его плечах лежат нелегкие обязанности единственного на Мюстике всесторонне подготовленного офицера полиции. Он прилетел из Великобритании в июне, и лето прошло без каких-либо инцидентов, что лишило его оснований просить себе заместителя для обеспечения правопорядка на территории острова. Шеф полиции на Сент-Винсенте громко расхохотался бы, если б Соломон заявил, что Мюстик нуждается в еще одном офицере. Остров, на котором он родился, имеет всего три мили в длину и полторы в ширину, и на нем не было зарегистрировано ни одного преступления. Любое правонарушение закончилось бы заключением в Сент-Винсентскую тюрьму, находящуюся в двадцати пяти милях, и бессрочным запретом появляться на частном острове.

Сейчас у Найла испытательный срок, и ему нужно произвести впечатление на руководство; его отец болен, а он старший из двух сыновей, ему тридцать. Огромную часть своего жалованья он тратит на лекарства для отца. Эта должность – совсем не то, о чем он мечтал, но преданность семье и необходимость принять решение по поводу своего будущего вынудили его согласиться на назначение. С семи лет, когда умерла мать, Соломон помогал отцу воспитывать своего младшего брата Лайрона. И сейчас эта должность дает ему пространство для маневра, хотя его рабочее пространство настолько мало, что в него с трудом удалось впихнуть обшарпанный письменный стол и два

пластмассовых стула и установить кондиционер, который весь день гроыхает, как молотилка, но температуру в помещении не понижает. Пусть в своей форме – в накрахмаленной белой рубашке и черных брюках – он и выглядит шикарно, однако эта одежда противоречит здравому смыслу, когда температура снаружи поднимается почти до восьмидесяти градусов[1 - Примерно 27 градусов по Цельсию. – Здесь и далее прим. пер.].

Детектив через приоткрытую дверь бросает взгляд на играющих в карты подчиненных, Уинстона и Чарли Лейтонов. Братья на десять лет старше его и совсем потеряли форму из-за того, что девяносто процентов времени проводят в безделье. Их желтые футболки украшает слово «Охрана». В критический момент Найл не доверился бы ни одному из них.

На письменном столе впервые за несколько недель звонит телефон, и Соломон секунду размышляет, прежде чем взять трубку. Он молча слушает Лили Колдер, которая говорит спокойно и убедительно; к тому моменту, когда она сообщает о пропаже человека, он уже на ногах. Ее подруга Аманда Фортини собиралась зайти к ней прошлым вечером, но так и не зашла, и на телефонные звонки не отвечает. Найти молодую женщину будет легче легкого: к концу сезона на острове обитаемыми остались всего несколько десятков вилл. Большинство отдыхающих уже улетели домой, чтобы избежать тропического шторма, который медленно, но верно движется через Атлантику. Для них пребывание на Мюстике – это небольшой перерыв в реальности.

Братья Лейтоны слишком поглощены покером, чтобы бросить «пока» вслед ушедшему Найлу. Он оглядывается на здание полиции и ощущает еще один приступ разочарования. В восемнадцать лет Соломон, убежденный в том, что перед ним открыты все двери, выиграл место на историческом факультете в Оксфордском университете, однако после возвращения домой его взгляды изменились. Его нынешнюю должность отличают плохо пригнанные окна, две сложенные из шлакоблоков камеры временного содержания и крыша из гофрированного железа, которая наверняка будет протекать, когда начнутся осенние тропические штормы. Через полгода, когда закончится испытательный срок, Найл планирует обратиться к шефу полиции на Сент-Винсенте с просьбой модернизировать здание.

Настроение детектива улучшается, когда он садится в багги для езды по песку. Багги полагается ему по должности. Это самый быстрый способ передвижения по пересеченной местности острова и лучшая отличительная черта его

должности, хотя заводить двигатель получается только с третьей попытки. Он мог бы пешком дойти до виллы Фортини, однако пассаты уже стихли и стоит удушающая жара. Полицейский участок находится в той части острова, где редко бывают отдыхающие, которые в большинстве своем просто сидят на виллах и выбирают оттуда на коктейль в бар «У Бейзила», в «Светлячок» или в «Хлопковый склад», а потом улетают домой.

Найл оглядывает плотные заросли по обе стороны от мощенной камнем дороги. С его детства остров сильно изменился, однако застройщикам удалось сохранить иллюзию тропических джунглей и спрятать в деревьях целую сотню вилл. Сейчас, как и в его детстве, на пляж вылезают морские черепахи и откладывают яйца, а по джунглям бродят угольные черепахи. Дикая природа острова по-прежнему включает в себя множество птиц. Вот и сейчас над ним вьется зеленохвостый попугай, когда он проезжает мимо Британния-Бэй, где купаются несколько отдыхающих; на светлом песке яркими пятнами выделяются их пляжные полотенца.

Любопытство детектива растет, когда он паркует багги у дачного дома Фортини. С огромными террасами, построенными на склоне холма, вилла больше похожа на сказочный дворец. Это одно из самых впечатляющих зданий на Мюстике, что неудивительно. Кофейная империя Фортини – крупнейшая в мире. Найлу всегда было интересно, каков этот дворец внутри, и сегодня он наконец-то увидит все своими глазами.

Найл поднимается по ступенькам и видит, как террасу подметает его соседка из Лоуэлла. Он знает эту женщину средних лет всю свою жизнь, однако сейчас она почему-то отводит взгляд. Не впервые его полицейский жетон способствует холодному приему. Когда сержант спрашивает, дома ли Аманда Фортини, женщина отправляет его к экономке.

– Она должна быть на кухне.

Уборщица жестом предлагает ему войти и возвращается к своей работе – сметать невидимую пыль с террасы.

Найл ловит в окне свое отражение, которое напоминает ему о несоответствии между его внешним видом и его статусом. У него рост шесть футов пять дюймов[2 - Примерно 192 см.], он почти так же высок, как Усэйн Болт[3 -

Ямайский легкоатлет, чей рост 195 см.], у него тоже широченные плечи с рельефной, хорошо развитой мускулатурой – результат того, что он плавает круглый год. На этом сходство заканчивается. У Найла телосложение спринтера, однако он лишен присущей этому легкоатлету чванливости. Карие глаза детектива скрыты круглыми очками в золотой оправе, что делает его похожим на студента, а не на спортсмена. В его взгляде всегда присутствует любопытство, но редко проявляется уверенность в себе.

Полицейский восхищенно присвистывает, когда заходит в холл, больше похожий на кафедральный собор, чем на жилой дом. Вверх поднимаются изогнутые мраморные лестницы с золотыми поручнями, из окон над головой льется свет. Найл окликает экономку, но ответа нет, лишь его голос эхом разносится по холлу.

С каждым шагом внутреннее убранство виллы становится все более величественным. Гостиная больше, чем весь дом Найла, и хотя вид с его заднего крыльца не хуже, чем отсюда, здесь для пейзажа прекрасной оправой служат идеально спроектированные арочные окна. Бесконечный бассейн выложен плиткой, в которой отражается выбеленное небо, между пальмами развешены гирлянды с волшебными огоньками, лужайка усыпана похожими на конфетти лепестками бугенвиллеи. Найла никогда не интересовало изобразительное искусство, но картины, развешанные по вилле, выглядят ценными. Из всех он узнает только морской пейзаж, написанный Мамой Тулен, ближайшей соседкой отца в деревне Лоуэлл. Останавливается перед ее акварелью, изображающей залив Геллико, – художнице удалось точно передать момент, когда на закате море становится розовым, как устричная раковина.

Уже обойдя весь первый этаж, Найл замечает открытую дверь, ведущую в погреб. Это единственное помещение на вилле Фортини, которое лишено роскоши и лоска: на простом бетонном полу вдоль стен стоят стеллажи с уложенными на них сотнями винных бутылок. Спустившись вниз, он видит женщину с тряпками для пыли в обеих руках.

Экономка ходит в церковь его отца. Ей около шестидесяти, пышные формы скрывает халат. Женщина сосредоточенно стирает пыль с бутылок. Найла она приветствует гораздо радушнее, чем уборщица.

– Соломон Найл, – говорит экономка, сияя улыбкой. – Ты замечательно выглядишь в этой форме! Приходи ко мне в следующее воскресенье – двум моим

дочкам нужен достойный муж. У тебя будет возможность сделать выбор.

– Я бы с радостью, миссис Джексон, но это было бы нечестно. Я предпочел бы прогуляться с вами по берегу, в любое время.

– Сплошная ложь. – Она откидывает голову и громко хохочет.

Найл отвечает ей в той же манере веселого поддразнивания – он помнит эту манеру с детства. Ему недостает прежней легкости в общении, когда он везде считался своим. После своего долгого отсутствия Соломон прилагает все силы к тому, чтобы вписаться в местное общество.

– Я ищу мисс Фортини, – говорит он экономке. – Лили Колдер никак не может связаться с ней.

– Вот как? – Радушие экономки сразу сменяется холодностью. – Барышня не желает никого слушать. У нее свои правила.

– В каком смысле?

– Мисс Аманда из достойной семьи, но любит валять дурака. Когда ее родители улетают домой, она все вечера проводит в барах. А я не могу сказать ей ни слова, хоть и была ее няней... правда, давно. Если б она была моей дочкой, я посадила бы ее под замок.

– Когда вы в последний раз видели ее?

– В четверг, в два часа дня. Она захотела на обед раков и рис с шафраном, без десерта и, слава богу, без вина, просто ледяную eau naturelle[4 - Природная вода (фр.)]. А все потому, что у нее было похмелье. Точно тебе говорю.

– С тех пор не видели?

Женщина задумывается.

– Вчера я приготовила ей завтрак, но она так и не появилась, ее постель не тронута, так что она в ней не спала. Можешь сам делать выводы.

– Ничего не случится, если я обыщу ее комнату?

– Вперед, мистер Полисмен. Комната на верхнем этаже, последняя дверь от лестницы, справа по коридору.

Найл благодарит ее, прощается и поднимается по лестнице. Что-то в атмосфере виллы тревожит его; складывается ощущение, будто везде затаились призраки, несмотря на то что помещения залиты светом. Дом кажется стерильным, каждый дюйм пола отполирован до зеркального блеска. Спальни обставлены современной мебелью, а стильность помещениям придают редкие вкрапления антиквариата. Со все возрастающим любопытством сержант входит в спальню Аманды Фортини. Кровать аккуратно заправлена и завешена москитной сеткой, ниспадающей с потолка. Он заглядывает в гардероб и видит там горы шлепанцев и эспадрилий, множество тончайших юбок и платьев с блестками. На приколотых к стенам фотографиях – молодая женщина в окружении друзей; ее светлые волосы развеваются на ветру, она сияет улыбкой. Кажется, что ей ни разу в жизни не доводилось испытывать сомнения, но Найл по опыту знает, что внешность обманчива. Он осматривает комнату в поисках личных вещей. На комодке рядом с органайзером с косметикой стоит коробка, полная украшений. Мобильного телефона не видно.

На прикроватной тумбочке детектив находит брошюру. В ней содержится информация об охватывающем весь остров проекте Лили Колдер по возрождению жизни на рифе. Хотя рыбаки всегда очень бережно относились к коралловому атоллу, все их усилия обречены на провал. Скоро здесь не останется зон для размножения морского окуня, лобстера и рака – даров моря, присутствующих практически в каждом меню на Наветренных островах. Если коралл умрет, рыбаки лишатся средств к существованию. Большинство местных благодарны этой молодой женщине, которая тратит свои силы на благое дело.

Найл снова оглядывает комнату, но никак не может определить характер Аманды Фортини. Американка оставила дома сумочку, полную кредиток, и в то же время она не боится запачкать руки, помогая проекту. Детектив отодвигает в сторону москитную сетку и только тогда замечает нечто странное. На заправленной кровати лежит кусок коралла шириной в фут, на простыне рассыпан песок. Коралл чисто-белого цвета и хрупкий на ощупь. Чуткие ноздри Найла улавливают солоноватый запах. Кто-то вырезал на нем ножом две скрещенных стрелы. И зачем Аманде Фортини понадобилось пачкать простыню

кораллом, в который въелся песок? Она могла бы оставить его на туалетном столике. Продолжая держать коралл в руке, Найл осматривает примыкающую к комнате ванную. Там ничего нет, если не считать слабый аромат цитрусовых духов, уже почти выветрившийся.

Детектив покидает виллу. У него в голове роится столько вопросов, что он забывает попрощаться с уборщицей, которая продолжает мести террасу. Однако она обращает внимание на его оплошность. Ему вслед летит поток ругательств на креольском.

Глава 3

Я каким-то чудом успеваю на дневной рейс из Гатуика до Сент-Люсии. Точно знаю, что Джаспер расстроится, когда узнает, какой стыковочный рейс я выбрала. Он предпочел бы, чтобы я посетила его стройку, а не пересаживалась на самолет до Мюстика, но моя главная задача – поддержать Лили и позаботиться о том, чтобы моим планам на вечеринку в ее честь ничего не помешало. Я удостоверюсь, что всё в порядке, и буду вволю плавать и загорать, пока не приедет Джаспер.

Мы взлетаем; Англия внизу выглядит серой и мрачной. Я понемногу успокаиваюсь. Принцесса Маргарет воспринимала все перелеты как отдых от королевских обязанностей и от ощущения, будто ты выставочный экспонат. Я намерена поступить так же. Слушаю аудиовersion «Разума и чувств» [5 - Роман Джейн Остин.] и позволяю себе медленно плыть по течению сюжета, однако через несколько часов моя концентрация слабеет, и к моему вниманию начинает взывать прошлое.

Я так хорошо помню события, приведшие к тому, что Лили вошла в нашу жизнь, будто они случились вчера. Шестнадцать лет назад ее мать, доктор Эмили Колдер, моя близкая подруга, развелась и арендовала виллу рядом с нашей. Ей было за тридцать, она имела степень, полученную в Гарварде, и растущую известность в качестве новатора в области защиты морской природы. Каждое лето Эмили проводила на Мюстике и трудилась на рифе. Все восхищались ею, потому что она была веселой, харизматичной и умной. Я с радостью согласилась стать крестной пятилетней Лили. Проведя весь день на море, этот

доброжелательный ребенок весело резвился в мелкой части бассейна, пока мы болтали с ее матерью. Эмили практически не упоминала о разводе, но я сейчас сильно сожалею о том, что тогда не заметила опасные признаки. В тот вечер она выпила вместе со мной свою последнюю рюмку, удалилась на виллу, а потом, пока Лили спала, ушла в море, не оставив ничего, что могло бы объяснить ее самоубийство. Ее саму не нашли, лишь аккуратно сложенный саронг остался лежать на Макарони-Бич. Я так и не смогла найти разумное объяснение ее поступку. Эмили была молода и красива, у нее имелось много друзей, готовых выслушивать ее жалобы, однако она бросила все это и оставила Лили на произвол судьбы. Могу допустить только то, что она сражалась с депрессией, но держала это в тайне. Если она и написала записку, ее не нашли; Эмили не оставила слов утешения для своей дочери.

Джаспер быстро согласился в том, что мы должны воспитать ребенка Эмили. Мальчишеская сторона его характера помогает ему находить общий язык с детьми, к тому же наши птенцы уже вылетели из гнезда. Они приняли появление Лили без каких-либо вопросов, однако ее детство было омрачено сначала смертью матери, а потом безразличием отца. Генри Колдер – нефтяной магнат; кажется, он свято верит в то, что основанием маленького трастового фонда выполнил свои родительские обязанности. Он редко утруждает себя контактами с дочерью. У девочки хватает денег на жизнь, однако она никогда не станет богатой, и ей не на кого опереться, кроме меня и Джаспера. И все же Лили остается оптимисткой. Она полна решимости спасти риф, и я почему-то уверена, что ничто ей в этом не помешает.

Погружаюсь в беспокойную дрему, а когда просыпаюсь, командир объявляет, что до Сент-Люсии осталось полчаса и что нас ждет болтанка из-за того, что мы проходим зону турбулентности. Самолет качается и дрожит, а время перестраивается. Сейчас уже начало шестого вечера, местное время на пять часов отстает от британского.

Мне в голову приходит мысль позвонить Джасперу, но перелет отнял у меня все силы. Я решаю отложить звонок на потом, когда посплю. В маленьком аэропорту полно народу: родственники, жаждущие поприветствовать членов своих семей, таксисты и носильщики, предлагающие за небольшую плату поднести мой багаж. Я уже собираюсь регистрироваться на следующий рейс, когда замечаю в толпе знакомое лицо. Это Саймон Пейкфилд, британский врач, замещающий нашего обожаемого доктора Банбери, который навещает родственников в Великобритании. Весь остров скучает по Банбери, ибо тот уже много

десятилетий врачует наши недуги. Пейкфилд не машет мне в ответ, хотя мы с ним не раз виделись. У этого человека с бледным бесстрастным лицом и копной иссиня-черных волос странные манеры. Странность состоит в том, что с больными он ласков, а вот социальных навыков ему не хватает. Создается впечатление, будто ему гораздо приятнее общаться с людьми, когда они его пациенты, а не друзья.

Пейкфилд исчезает в толпе, а меня окликают. Ко мне через людской поток с поднятой в приветствии рукой прорывается мой давний друг Филип Эверард. Он канадский актер, и ему здорово за шестьдесят, но по внешнему виду об этом не скажешь. Филип выглядит почти так же, как в конце восьмидесятых, когда снялся в главных ролях в десятке элегантных комедий, которые штурмом взяли мир. Он из тех, кто привлекает внимание и мужчин, и женщин всех возрастов; открытый бисексуал, что только усиливает его харизму. Филип одет в голубую льняную рубашку, подчеркивающую его загар; седые волосы коротко подстрижены, а резкие черты лица кажутся более утонченными, чем всегда.

– Фил, ты, как всегда, неподражаем; ты идеальный главный герой.

– Все равно мне не сравниться с тобой. – Он улыбается и обнимает меня. – Как тебе удастся сохранять такую гладкую кожу?

– Удачные гены и крем из «Хэрродс». А ты что здесь делаешь?

– Лили сказала, что ты прилетаешь, поэтому я отложил свой вылет домой. Я здесь помогал Джасперу общаться с противным архитектором-французом.

– Какой ты милый... Как Джаспер? У него всё в порядке? Я никогда не слышала, чтобы у него был такой голос, он был очень подавлен.

– Он нуждается в том, чтобы ты промокала ему вспотевший лоб, и склонен закатывать истерики, так что бизнес идет своим чередом. – У Филипа веселый вид. – Я полдня охотился за подарком для Лили.

– И что нашел?

– Серьги с пресноводным жемчугом и сочетающийся с ними браслет. Не слишком ли скучно?

– Она будет рада.

– Слава богу, что ты летишь на Мюстик, а не едешь в ту дыру, что создал Джаспер. – В речи Филипа слышится легкий французский акцент – он провел детство в Квебеке.

– И не говори, дорогой... Мой организм нуждается в водке.

– Выпивка подождет. Многие рейсы задержаны, а мы вылетаем последним. После нашего взлета они закрывают аэропорт. Сюда, очевидно, надвигается тропический шторм. Одному господу известно, почему они так всполошились, – ведь у нас тут и намека нет на это проклятое бедствие.

Фил достаточно быстрым шагом ведет меня по аэропорту, держа за руку. Мы дружим уже тридцать лет, с тех пор как он купил самую маленькую на Мюстике виллу, хотя у него было достаточно заработанных в Голливуде денег, чтобы построить дворец. Он хотел иметь убежище, куда можно было бы сбегать от папарацци, однако скромность не позволяла ему декорировать свое укромное местечко в роскошном стиле. Филип всегда был душой всех вечеринок и карнавалов; к сожалению, в последнее время он здорово сбавил темп. Я не помню, когда он в последний раз работал. Наблюдая за тем, как Фил регистрируется на наш рейс, такой деловитый и серьезный, я представляю его в роли благородного правозащитника или американского президента, придерживающегося консервативных ценностей.

Когда мы подходим к крохотному самолетику, ожидающему на полосе, настроение Филипа вдруг резко меняется.

– Я говорил тебе, что Хосе ведет себя как-то странно? Он отлично ухаживает за нашими садами, но почему-то постоянно преследует меня – утром, днем и ночью.

– Это не к добру.

– Что нам делать?

– Я поговорю с ним, если хочешь.

– Давай не будем пугать беднягу; я просто хочу, чтобы он перестал строить из себя моего телохранителя.

Хосе Гомес работает на меня и Филипа последние пять лет, деля свое время между нашими двумя садами. Господь наделил молодого человека легкой рукой, однако он немой от рождения. Иногда, когда Хосе обихаживает лужайку, я слышу, как он насвистывает, но за все время садовник не произнес ни слова.

Филип, видимо, рад тому, что сбросил с себя эту проблему, и снова берет меня за руку, когда самолет готовится к взлету.

– Мне ужасно хотелось рассказать Лили о вечеринке, но я держу рот на замке. Она очарована былыми временами – в ее глазах сборища на Мюстике стали легендой.

– Вот я и хочу, чтобы нынешнее превзошло все прежние. Лили заслужила, чтобы ей подняли самооценку. До вечеринки всего две недели. Мы с Джаспером наняли дизайнеров, они на Сент-Люсии и готовят десятки роскошных костюмов для наших гостей, в том числе и для тебя.

– А какая тема?

– Мы называем ее «Лунным балом», потому что в эту ночь должно быть полнолуние, и я молю бога о том, чтобы небо было чистым. Хочу, чтобы весь остров сиял в честь Лили.

– В отличие от вас с Джаспером, все относится к подготовке вечеринок очень поверхностно. Помню, как ты много лет назад ездила в Кералу, чтобы купить костюмы и прочий реквизит для какой-то вечеринки. Даже арендовала яхту, чтобы гости могли переодеться в море и в готовом виде сойти на берег. Кажется, у тебя несколько недель ушло на то, чтобы построить тот дворец на лужайке, да?

– У Лили не такой изощренный вкус, как у нас, но меня это не волнует. Собираются все: члены королевского дома, супермодели, рок-звезды – и ты,

естественно. – Я улыбаюсь ему.

– Тебе еще не поздно выйти за меня.

– Джаспер никогда не даст мне развод, а ты бросишь меня ради первой встречной красавицы – или красавца.

Доктор Пейкфилд сидит через три ряда впереди нас. Он глубоко задумался, повернувшись к иллюминатору. Двигатели рычат, набирая обороты. Взлет маленького, на десять мест, самолета похож на катапультирование в небо, но в конце пути меня ждет Мюстик, что делает неприятные ощущения сносными. Опускаются сумерки, и капитан, вероятно, спешит добраться до острова, так как посадка в темноте запрещена. По мере нашего продвижения на юг огни Сент-Люсии исчезают, и под нами на много миль раскидывается океан. Я не знаю, почему меня охватывает озноб, когда в поле зрения появляется остров; из-за плотной растительности он напоминает изумруд, лежащий на темно-синем бархате. Я еще помню, каким диким и необжитым он был, как по джунглям бегали дикие коровы и козы, как в воздухе кишели москиты. Наш самолет проходит над самой высокой вершиной Мюстика, и Филип снова сжимает мою руку, потому что мы камнем падаем на крохотную взлетную полосу.

Глава 4

Темнота наступает через несколько минут после нашей посадки. Я могу различить лишь окруженную двухсотлетними пальмами равнину, лежащую в сердце Мюстика. Когда-то она была частью хлопковой плантации. Меня охватывает ликование, когда мы спускаемся по трапу в теплый воздух и аромат орхидей. У входа в маленький терминал нас приветствует персонал аэропорта, а само здание буквально олицетворяет местную атмосферу расслабленности. Очень примитивное, оно остается таким даже несмотря на то, что каждый год в разгар курортного сезона через него проходит множество приезжающих и отъезжающих знаменитостей. Остроконечную крышу закрывают пальмовые листья, слова «Прилет» и «Вылет» написаны от руки, а сами таблички висят над двумя маленькими дверцами. Начальник аэропорта кланяется мне, не утруждая себя проверкой моего паспорта, как будто я все еще владею островом. Он почтительно спрашивает о здоровье лорда Блейка, и хотя мне нравится, с каким

радушием меня встречают на Мюстике, я испытываю облегчение, когда выхожу из здания после долгого обмена любезностями.

Мой дворецкий заранее пригнал багги на парковку, на которой хватает места всего для нескольких машин, составляющих наш крохотный автопарк. Обычно я хожу по Мюстику пешком, но сегодня рада тому, что до дома доберусь на транспорте. Уложив чемоданы на заднее сиденье, мы с Филипом отправляемся в путь. Я полной грудью вдыхаю воздух острова, в котором смешались сладковатый запах опавших листьев, аромат моря и паприки, сочащийся из чьей-то кухни, – и чувствую, как уходит напряжение из моих плеч. Однако Мюстик сильно изменился за шесть месяцев, с моего последнего визита. Дорога сквозь заросли казуарин и подлесок теперь вымощена, и скоро весь остров будет исчерчен официальными пешеходными дорожками, а не песчаными тропками, которые я так люблю. На участке Мика Джаггера свет не горит – значит, на острове будет не так весело, и нас не ожидают импровизированные матчи по крикету. Дом Дэвида Боуи тоже погружен во мрак, так что походы в бар «У Бейзила» будут скучными до тех пор, пока оба не прилетят на день рождения Лили[6 - Мик Джаггер (р. 1943) и Дэвид Боуи (1947–2016) – всемирно известные рок-музыканты.].

Вилла Филипа находится чуть западнее моей и смотрит на Плэнтин-Бэй. Она одна из нескольких, что не окружены живой изгородью, которая защищает от ветров, мечущихся по острову в сезон ураганов. Вилла получила свое название в честь окружающих ее джакарандовых деревьев, чья крона все еще усыпана фиолетовыми цветами. «Джакаранда» – это скромный коттедж из беленой древесины с шиферной крышей. Дом во многом говорит о характере Филипа, который преклоняется перед простотой своего жилья и держит всего двух слуг – пожилую горничную и Хосе для ухода за садом. Он приглашает меня зайти выпить, но мне поскорее хочется увидеть Лили, поэтому я приглашаю его на завтра, на поздний обед. Он обещает принести свежую папайю прямо с дерева и прощается со мной.

На последнем этапе своего путешествия я сбавляю скорость, чтобы прислушаться к мирному спокойствию. Людей не слышно, только москиты, в честь которых назван остров, и цикады, чей стрекот так похож на аплодисменты. Находясь в Англии, я представляю этот тихий гул, и он убаюкивает меня. Тут я слышу новый звук: шаги, медленные и ритмичные, на дорожке позади меня, однако когда я поворачиваюсь, вижу лишь темную массу пальм и сияющие над головой звезды. Шаги на мгновение затихают, потом

приближаются.

- Кто там? Идите ко мне, - говорю я в темноту.

Из подлеска выходит Саймон Пейкфилд. Он от меня в двадцати ярдах, но и я по сгорбленной, как у школьника, ожидающего наказания, позе понимаю, до какой степени ему неловко.

- Как поживаете, Саймон? Я видела вас перед вылетом, хотела поздороваться, но вы, кажется, пребывали в собственном мире...

- Сожалею, леди Ви, - он неловко улыбается. - Я вас не видел.

- Не переживайте. Давайте я подброшу вас домой.

Доктор садится в багги. Мы едем в том же направлении, потому что он всегда живет на вилле доктора Банбери, пока тот в отъезде. Пейкфилд рассказывает о планах на те два месяца, что он проведет на острове: продолжить работу нашего доктора по сбору средств на новое рентгеновское оборудование и на оснащение маленького терапевтического отделения в медцентре новыми койками и другой мебелью.

- Просто великолепно, я организую сбор средств. Ваша жена на этот раз с вами?

- Хлоя осталась с детьми; мы не хотим снова срывать их с места.

- Очень жаль. Вы должны обязательно прийти к нам на ужин; не стоит слишком много времени проводить в одиночестве.

- Вы очень добры, но мои пациенты не дадут мне бездельничать. Честное слово, я всем доволен.

- И все же позвольте мне назначить дату - мы будем рады видеть вас.

Когда мы подъезжаем к развилке, доктор прощается и идет к своей вилле, а я остаюсь полной сочувствия. Саймон Пейкфилд всю жизнь полагается на уверенную в себе и общительную жену; чтобы он не попал в изоляцию на

острове, ему нужно оказать особую поддержку. Эта встреча убеждает меня в том, что шаги, о которых говорила Лили, были плодом ее воображения. Я все еще продолжаю удивляться тому, что этим летом после возвращения из Калифорнии она предпочла вернуться на Мюстик. Наверняка остров вызывает у нее массу болезненных воспоминаний, однако она полна решимости использовать лодку, оставленную матерью, чтобы продолжить работу на рифе, и основать благотворительный фонд по возрождению морской жизни. Я бы никогда не стала расхолаживать ее, но иногда жалею о том, что Лили не может забыть прошлое.

У меня подпрыгивает сердце, когда я сквозь переплетение ветвей вижу «Райский уголок». Джаспер дал название нашей вилле еще до того, как был уложен первый кирпич, и мы действительно чувствовали себя словно в раю, после того как перебрались в нее из палаток. Трехэтажный дом потрясает своим великолепием, особенно по ночам, когда на фасаде горят две дюжины высоких окон. Особняк был создан Оливером Месселем, архитектором, прославившимся своей театральностью и склонностью к стилю пряничного домика. Белое здание отличают характерное для Месселя смешение современных и классических черт, нарядные резные деревянные панели, украшающие крышу, и изящные балконы на верхнем этаже. Дом недавно заново покрасили, и он выглядит достаточно романтично, чтобы стать съемочной площадкой для Ромео и Джульетты; передо мной расстилается роскошная мраморная терраса. Сад тоже выглядит потрясающе, и свет фонариков отражается в бассейне, расположенном на дальнем краю лужайки.

Заходя внутрь, я окликаю Лили, но ответа нет, что неудивительно. Слуги уже разошлись, а мой рейс задержали. Я ощущаю странный дискомфорт, хотя меня всегда радовала спокойная элегантность дома. Может, все дело в том, что я редко бывала одна в доме, который мы с Джаспером любим всем сердцем. У меня нет повода нервничать, если не считать мое долгое путешествие.

Отгоняю неприятное чувство и иду по первому этажу. Я сама выбирала декор, мне немного помогал мой друг Никки Хэслем [7 - Любимый декоратор принца Чарльза, Мика Джаггера, Чарльза Саатчи и других ценителей английской роскоши.], обладающий безупречным вкусом. В комнатах высокие потолки и белые стены, прославляющие свет, льющийся внутрь целый день. В каждой комнате расставлены сувениры, которые я привезла из своих путешествий с Джаспером и с принцессой Маргарет по Индии и Карибам. На стенах висят высокие зеркала в серебряных рамах, на которых сто лет назад рукой умелых

мастеров из Джайпура были выгравированы мифические фигуры. К тому моменту, когда я поднимаюсь наверх, ко мне возвращается хорошее настроение. В моем гардеробе висит одежда, оставленная мною в прошлый раз, наша коллекция картин все еще радует глаз. Над кроватью брызжет яркими красками пейзаж, купленный мною у местного художника; на туалетном столике стоит ваза, что я нашла в Японии, и ждет, когда ее заполнят цветами.

Я могла бы спуститься к Британния-Бэй, поискать Лили в баре «У Бейзила», но стоит мне переодеться и причесаться, как я чувствую, что силы мои на исходе. Иду по коридору, беря в руки вещи, которые не видела много месяцев. Через открытую дверь заглядываю в спальню Лили и вижу, что там не такой хаос, как обычно. На полу, рядом со скомканными пляжными полотенцами, валяется пара старых сандалий, в остальном же полный порядок. Ремонт в комнате не делали с тех пор, как Лили была ребенком, и повсюду присутствуют свидетельства ее страстной любви к океану. С постера над кроватью на меня несется акула, к стене приколоты таблица с различными видами тропических рыб, рядом – подводный снимок цветущего коралла.

Спустившись вниз, я выключаю подсветку бассейна и сажусь в шезлонг. Свет звезд – лучший вид освещения; над головой мерцает вселенная, а сами звезды напоминают россыпь бриллиантов на гигантской школьной доске. Луна рисует тропу по поверхности воды. Единственные звуки – старомодная музыка калипсо, доносящаяся с чьей-то виллы, приглушенный смех да пение змеешеек. Я наслаждаюсь тропическим воздухом, радуясь, что уехала из осеннего холода Норфолка. Мои воспоминания о Мюстике помогают мне расслабиться. Мы с принцессой Маргарет часто сидели здесь, наблюдая, как солнце садится за горизонт, и надеясь увидеть тот самый зеленый отблеск, означающий, что солнце исчезло. Нам так и не довелось его увидеть, зато мы долго и весело болтали, глядя вдаль.

Заслышав шаги на дорожке, я сразу понимаю: что-то случилось. Это даже не шаги, а частый топот. Моя крестница бежит во весь опор и резко останавливается, когда видит меня. Она тяжело дышит, но все равно выглядит прекрасно. Девочка превратилась в настоящую красавицу. В белых капри и черном топе, Лили напоминает более высокую версию Одри Хепберн. Ее черные волосы подстрижены ежиком, в небесно-голубых глазах отражается шок. Это выражение на ее лице в одно мгновение сменяется восторженным. Я встаю, и Лили крепко обнимает меня; потом отстраняется, держа меня за плечи, и внимательно оглядывает.

– Я так рада, что ты приехала...

– Дорогая, у тебя всё в порядке? – спрашиваю я. – Почему ты бежала?

– Я испугалась. По дороге домой кто-то опять шел за мной.

Лили выглядит такой ранимой, что я опять вынуждена напоминать себе о том, что она – взрослый человек, три года прожила в Америке и даже процветала там.

– Жаль, что ты не сказала, когда приезжаешь, я бы встретила тебя в аэропорту. Надеюсь, ты прилетела раньше времени не из-за меня...

– Вовсе нет, но мне очень хотелось увидеть тебя, да и остров тоже.

– Заведи себе мобильник, прошу тебя. С ним жизнь гораздо проще.

– Не выношу их визгливые звонки. Ты сейчас из «Бейзила»?

– Я ходила в «Хлопковый склад», искала Аманду, но ее никто так и не видел. – В ее голосе опять явственно слышится тревога, которую невозможно не заметить.

– А вы с ней часто виделись после того, как она приехала?

Лили энергично кивает.

– Она в своем репертуаре – энергия хлещет через край, болтушка, каких свет не видывал...

– Ты говорила с полицией?

– Я ходила туда в обед, но там никого не было. А ты знаешь, что весь остров охраняет только один полицейский?

– Это потому, что здесь никогда не было преступлений. Мы с Джаспером хорошо его знаем. Соломон Найл, выпускник Оксфорда и, наверное, умнейший человек

на Мюстике.

– Когда я говорила с ним по телефону, мне показалось, что он излишне спокоен. Аманда никогда раньше не подводила меня; она предупредила бы, если б у нее появились другие планы. Этим летом мы с ней были вместе почти каждый день... – Лили опускает взгляд. – Несколько дней назад кто-то нацарапал мерзкую надпись на креольском на моей лодке: «Убирайся с Мюстика или умри, как коралл».

– Боже мой, почему ты не рассказала? Я бы сразу прилетела...

– Зачем мне было беспокоить тебя? Братья Лейтоны видели надпись до того, как я ее смыла, но они ни капли не всполошились.

– Соломон – другой; он быстро выяснит, куда делась Аманда.

– Будем надеяться. – Девочка плюхается в шезлонг рядом со мной и скидывает шлепанцы точно таким же движением, как в детстве.

– Филип говорит, что Хосе странно ведет себя. Это правда?

У Лили удивленный вид.

– Мне кажется, с ним всё в порядке; по мне, так он забавный. Почти все свое свободное время проводит со мной на лодке, помогает...

– Осторожнее, дорогая. Он всегда был без ума от тебя.

Лили явно довольна.

– Чушь, Ви. Он такой же, как ты и я, только не говорит. Это единственное отличие.

– Я беспокоюсь о тебе, вот и всё.

– Расскажи, как у тебя дела, – говорит она, пожимая мою руку. – Перескажи мне все новости, я дико скучаю по нашей шайке.

Я рассказываю о семье, и лицо Лили проясняется. Она будет в восторге, когда все прилетят на ее праздник. Лили наблюдает за мной, как всегда задумчивая.

– Наверное, я слишком бурно отреагировала на те шаги в джунглях...
Переутомилась, вероятно.

– Для тебя сейчас нелегкий период, да?

– Я мало думаю о годовщине смерти мамы, просто у меня проблемы с моей заявкой на грант. Если Океанографическое общество не возобновит финансирование, придется полагаться только на частные пожертвования.

– Мы с Джаспером можем увеличить наш взнос.

– Вы и так слишком щедры. – Лили переводит взгляд на море. – Может, это покажется странным, но сейчас, когда больше времени провожу на лодке и посвящаю проекту, я чувствую близость с мамой. Как ты думаешь, она была бы довольна?

– Эмили очень пылко воспринимала морскую жизнь острова, как и ты, но она была человеком широкой души. Она была бы рада всему, какую бы дорогу ты ни избрала. Главное, чтобы тебе нравилось.

– Почему я иногда скучаю по ней, хотя едва помню ее?

– Это вполне естественно.

– Ведь моей настоящей матерью была ты, Ви, да и Джаспер оказался молодцом... Пусть он безумный гений, но он всегда был добр.

– Тебя, Лили, легко любить.

Она наклоняется ко мне и изучает мое лицо.

– Ты так грустила после смерти принцессы Маргарет... Тебе не стало лучше?

– Я каждый день думаю о ней, но этого и следовало ожидать. Мы были вместе дольше, чем продолжают многие браки.

Молчание – и теперь тишину нарушает жужжание насекомых. Мы смотрим в одном направлении, на океан, в котором отражается свет звезд. Я много месяцев спорила с Джаспером по поводу того, где возводить виллу. Я хотела жить на защищенной стороне острова – на той, которая смотрит на Карибское море, – а он настаивал на том, чтобы наши окна выходили на дикую Атлантику. Джаспер желал наблюдать за каждым штормом, зарождающимся на горизонте. Как ни грустно, но я вынуждена признать, что он был прав. Драмы, разворачивающиеся в океане, до сих пор завораживают меня. Я провела бесчисленное количество ночей на террасе, наблюдая за тем, как темнеет небо над берегом под нашей виллой... Однако пропажа подружки Лили вызывает у меня беспокойство. Новая угроза, которую никто не смог предвидеть, способна налететь с любой стороны.

Прогоняю эту мысль и сосредоточиваю свое внимание на Лили, снова шутливо заговаривая о том, что пора бы ей найти подходящего парня. Она ведет разговор в той же манере, что и ее мать, весело и оживленно. Лили не осознает своей красоты, и это только добавляет ей очарования.

Я смотрю на часы и понимаю, что два часа пролетели словно одно мгновение, и на мне начинают сказываться тяготы моего путешествия. Искушение еще посидеть и поболтать велико, но у нас впереди целый месяц для того, чтобы наслаждаться обществом друг друга. Я напоминаю Лили о том, чтобы она заперла парадную дверь, когда пойдет наверх, и желаю ей спокойной ночи. Добравшись до спальни, я чувствую себя страшно измотанной, однако меня не покидает радость от того, что Мюстик не утратил своей древней магии.

Я собираюсь идти спать и, соблазненная лунным светом, льющимся в щелочку между шторами, выглядываю в окно. Ночное небо такое чистое, что лунные кратеры видны гораздо четче, чем в Британии. Я вижу белую полосу, прочерченную по океану. Эта картина действует на меня успокаивающе, пока я не замечаю движение в саду. Создается впечатление, будто ветер качает растения, но на самом деле кто-то идет по лужайке, полускрытый деревьями. Он крадется медленно, как хищник. Затаив дыхание, я жду. Из тени появляется фигура. Это Хосе Гомес, молодой садовник. Секунду он стоит на дорожке, его

лицо освещает лунный свет; затем он поднимает взгляд к моему окну. А в следующую секунду исчезает, и я уже не вижу, где он прячется. Почему работник из obsługi бродит по нашей вилле в такой поздний час, когда все его обязанности выполнены?

Глава 5

Воскресенье, 15 сентября 2002 года

Найл просыпается от кошмара на рассвете. Он почти каждую ночь оказывается на месте одного и того же преступления в Оксфорде, даже несмотря на то, что старший детектив-инспектор заставил его несколько недель ходить к психологу. Соломон не раз подумывал о том, чтобы уволиться, – и новая должность поможет ему решить, оставаться в профессии или уходить.

Он до сих пор не может привыкнуть к тому, что живет там же, где вырос. Хижина стоит в центре деревни Лоуэлл, состоящей из маленьких деревянных домиков, разбросанных по склону холма. Первое, что видит в это утро сержант, – коралл из комнаты Аманды Фортини. Он лежит на подоконнике, наполняя воздух запахом водорослей. Это кусок высохшей кости, однако он когда-то пульсировал жизнью, и каждая его ветвь была отдельным организмом. Найл тщательно изучает коралл, водя пальцем по резным ветвям, затем кладет его обратно на подоконник. Окидывая взглядом маленькую комнату, берет полотенце со спинки стула. В детстве здесь было его убежище; он провел здесь бесчисленное количество часов, готовясь к экзаменам и мечтая о будущем. Письменный стол, который отец сделал из банановых ящиков, так и стоит между дверью и узкой кроватью, только он уже маловат для взрослого мужчины. Место для одежды есть лишь за дверью. Нынешнее жилье детектива сильно отличается от роскошной квартиры в центре Оксфорда, которую он делил еще с двумя полицейскими, однако в глубине души Соломон рад жить дома. Загрязненный городской воздух оставлял кислотоватый привкус у него во рту, а ночь вместо убаюкивающего сердцебиения моря приносила рев мощных грузовиков с кольцевой магистрали. Стесненное материальное положение Найл воспринимает как заслуженное: в Великобритании никто не наказал его за ошибку, так что это элемент естественной справедливости.

Когда Соломон идет в ванную, кто-то издает тихий стон. Как есть, в боксерах, детектив выходит из дома и видит, что на террасе развалился Лайрон и что-то бормочет во сне. Это не первый раз, когда его двадцатитрехлетний брат засыпает здесь после ночных гулянок. Найл возвращается в дом, наливает в кувшин воды и засыпает туда лед. Он получает огромное удовлетворение, поливая ледяной водой голову Лайрона. Тот резко выпрямляется и громко ругается.

– Заткнись, Лай. Разбудишь соседей.

– Ублюдох...

– Угомонись, ради всего святого.

Найл приваливается к стене и наблюдает, как брат, потирая глаза, с трудом поднимается на ноги. Между ними всего семь лет разницы, но Лайрон все еще ведет себя как ребенок. Найл признает, что брата при рождении наделили красивой внешностью, а его – мускулами. Гибкий, как баскетболист, с высокими скулами, Лайрон на несколько дюймов ниже ростом. Однако сейчас, когда он сыплет ругательствами, не время для комплиментов.

– Я все же вышибу тебе мозги.

– У тебя и раньше это не получалось. – Найл дружелюбно улыбается.

– А сейчас получится, злобный ты идиот.

– Ты забыл, что папа болеет? Ему только не хватало, чтобы ты каждый вечер приползал домой на карачках...

– Сол, хватит меня учить. Не тебе решать.

– Выслушай меня хоть раз в жизни. Ты спускаешь свою зарплату на выпивку и девочек, а моя уходит на лекарства для папы. Ты собираешься вносить свою долю?

На лице Лайрона появляется покаянное выражение, его злости как не бывало.

- Сколько ему надо?

- Шестьсот в месяц.

- С каждого?

Найл кивает.

- Продукты тоже стоят денег, да и дом требует ремонта.

- Да это же почти вся моя зарплата!

- И моя тоже. Если найдешь другой способ, дай знать.

Лайрон берет у Найла полотенце, чтобы вытереть лицо и волосы, а потом отбрасывает его. Мужчины садятся рядышком на верхнюю ступеньку и не говорят ни слова. Найл смотрит на профиль брата, и ему кажется, что тот без своей ухмылки выглядит старше. Детектив помнит, как рыдал в аэропорту одиннадцатилетний Лайрон, когда он улетал в Великобританию. Жаль, что они уже не так близки, но брешь между ними очень велика, чтобы ее можно было заполнить. Он с радостью возобновил бы их прежнюю дружбу, только говорят они на разных языках.

- Лай, зачем ты теряешь время? Ты слишком умен для работы в баре. Мне казалось, ты хотел быть пилотом...

- Никто не будет платить за меня налоги. Если ты не заметил, здесь нет хорошей работы. Смешивать коктейли - это лучший вариант для меня; по крайней мере, я получаю щедрые чаевые.

- Переезжай в Сент-Винсент и иди в вечернюю школу. Хоть один из нас должен прилично зарабатывать.

- Ты забыл, что я тупой? Все дипломы и сертификаты у тебя.

– О чем ты говоришь? Ты тоже очень умен, просто тебе лень пользоваться своими мозгами. – Найл легонько хлопает брата по плечу. – Твоя очередь вести папу в церковь. Только сначала прими душ – от тебя несет бурбоном и дешевым куревом.

Лайрон игнорирует совет.

– Кто-то сказал, что пропала женщина. Это правда?

– Да. Пропала Аманда Фортини; вечером в пятницу она должна была встретиться с подругой, но не пришла.

– И что с ней случилось?

– Если повезет, выясню сегодня.

– Вряд ли она ранена, как ты думаешь? Здесь никогда ничего плохого не происходит.

Найла удивляет напряженное выражение на лице брата. Раньше он не проявлял интереса к владельцам вилл. Вероятно, в это лето девица Фортини часто появлялась в «У Бейзила», и Лайрон наверняка смешивал для нее коктейли...

Брат внезапно вскакивает и идет в дом, и Найл не успевает расспросить его о пропавшей женщине. Он собирается последовать за ним, но его окликают из соседнего дома. Жилище Мама Тулен отличается от других домов; по розовым гераням, цветущим на маленькой террасе, по стенам, покрашенным в цвета радуги, легко догадаться, что она художник. Хотя она дружит с отцом, Найл так и не запомнил ее имя. В Лоуэлле принято, чтобы дети в знак уважения называли старших Мама и Папа. Детективу трудно представить, зачем он ей понадобился, но все же он в ответ поднимает руку и идет в дом. Нельзя же заявиться к ней в синих боксерах...

Найл быстро умывается и надевает форму, хотя еще только семь утра. На службу ему надо к восьми, однако он не может забыть, каким голосом миссис Фортини молила его найти ее дочь, когда он вчера позвонил ей. Сержант приходит к Мама Тулен, которая поливает свои растения. Она крупная женщина,

на ней красное свободное платье, ее лицо обрамляет облако седых завитков. Она все еще красива, несмотря на возраст. Мама родом с Сент-Люсии и на смеси французского и креольского велит ему сесть, а сама отправляется за кофе. Нечто в ее манерах исключает неподчинение. Женщина неспешным шагом заходит в дом, Найл же остается на террасе. В Лоуэлле поговаривают, что Мама Тулен занимается обеа – это форма вуду, все еще преобладающая на Сент-Люсии. Найл почти уверен, что стоящая в углу палка, расписанная черепами и украшенная перьями, – коко-масак, волшебный инструмент для заклинаний. Плоды художественного таланта Мамы повсюду, куда ни кинь взгляд. К стене прислонена картина, изображающая Британния-Бэй, в лучах солнца поблескивает песок. Найлу всегда хотелось купить для отца одну из работ Мамы, но ее произведения продаются за многие тысячи в крупных американских галереях.

Он садится в бирюзовый шезлонг и ждет Маму. Когда та сует ему в руку чашку с густой черной жидкостью, поздно признаваться в том, что в последнее время он пьет кофе не по-креольски, а с молоком. Из-за цикория напиток сильно горчит, и Найл морщится от первого глотка, но Мама слишком занята разговором, чтобы заметить это. Она рассказывает ему о своих детях, которые работают в Сент-Винсенте и Гренадинах, о своей последней выставке, и наконец он убеждается в том, что ей просто хотелось говорить и нужен был слушатель.

– Рад был повидать вас, Мама, но мне нужно на работу. Спасибо за кофе.

– Подожди минутку. – Она жестом велит ему сидеть на месте. – В пятницу я поставила мольберт над Британния-Бэй, хотела писать солнце на рассвете. Там была девица Фортини. – Она берет картину, прислоненную к стене, и передает Найлу. – Выглядела она красавицей, и я поместила ее в картину.

Найл снова рассматривает сюжет и теперь видит маленькую фигурку в алом бикини и с золотистыми волосами. Еще он замечает огромную яхту, маячащую на горизонте в розовых лучах заходящего солнца.

– Что она там делала?

Женщина хмурится.

– Она поплыла к той лодке, а я продолжила писать. Когда опять посмотрела туда, ее уже не было. Я решила, что она поднялась на яхту или поплыла к следующему заливу.

– Она так и не вернулась?

– Я провела там два часа, но в заливе никто не появился, если не считать быстроходный катер, несшийся с безумной скоростью. Я и не знала, что они могут так летать.

– Катер был с яхты?

– Я не разглядела, солнце было слишком ярким. Это вполне мог быть катер Бейзила или с какой-нибудь виллы.

– Спасибо вам за помощь.

– Еще кое-что, пока ты не ушел. – Она понижает голос, выражение на ее лице вдруг становится жестким: – Я рада, что ты у нас блюститель закона; у тебя есть голова на плечах, причем умная голова. Но ты должен быть осторожен.

– Все хорошо, Мама, но я обязан помогать всем, опираясь на одинаковые правила.

Художница неожиданно встает. Найл не знает, как реагировать, когда она кладет ладонь ему на лоб, словно измеряет температуру. Он из вежливости не отталкивает ее. С губ Мама сыплются креольские слова, она бормочет слишком тихо, чтобы Соломон понял. Наконец Мама убирает руку, и в ее глазах отражается паника.

– Я сейчас пыталась прочесть твой дух, но вместо этого увидела Геде[8 - Геде – бог религии айоба, управляющий дорогой от жизни к смерти и загробным миром; его символ – крест на могиле. Имеет власть над зомби.]. Он не может понять, жив ты или умер. Не важно, веришь ты в обеа или нет; боги не станут защищать тебя. Защищайся сам, пока угроза не исчезнет. Ты слышишь меня?

– Да, Мама.

Она долго изучает его лицо, прежде чем ее взгляд становится спокойным.

– Не убегай, Соломон, посиди еще. Жизнь слишком коротка, чтобы спешить. Допей сначала свой кофе.

Найл собирает с духом, прежде чем выпить остатки напитка. Он перестал верить в бога много лет назад, но страх в глазах Тулен кажется настоящим. Каким-то образом ему удается произнести слова прощания, хотя ощущение такое, будто у него рот полон песка.

Глава 6

Я просыпаюсь с улыбкой, несмотря на то что в моем саду побывал поздний гость. Мой долгий сон нарушал лишь яростный гул moskitov, разозленных тем, что добраться до меня им мешает сетка над кроватью. Эти создания обожают мою белую британскую плоть, сколько бы чеснока я ни съела и какой бы отравой ни опрыскивала свое тело. Сегодня я намерена поговорить с Хосе и положить конец его странному поведению; правда, сначала я поплаваю. Возраст – это просто число, физические упражнения помогают мне держаться в форме, а купание в море – одно из самых больших удовольствий для меня.

Я надеваю купальник и саронг, потом беру полотенце. Однако, когда я выхожу в коридор, меня встречает нечто неожиданное. На полу перед комнатой Лили лежит обломок коралла; он белый и окаменелый, медленно превращающийся в порошок. Может, это сама крестница выложила его, чтобы напомнить мне, почему она так одержима идеей спасти риф? Однако кажется странным, что девочка вырезала на его поверхности рисунок из перекрещенных линий. Вид коралла наполняет меня грустью. Мы с Джаспером, вооружившись трубками и масками, часами наблюдали, как охотящиеся осьминоги дрейфуют над розовыми кораллами. Лили, вероятно, уже в море – в комнате ее нет.

Я спускаюсь вниз с кораллом в руке. Наш дворецкий ждет меня в холле; он стоит навтыжку, как часовой. Уэсли Джилберт является нашей правой рукой уже двадцать лет, и ему удалось сохранить импозантную внешность. Я помню, какое сильное впечатление он произвел на меня, когда, еще молодым, пришел на собеседование. Отслужив в армии Гренадин, Уэсли вернулся на свой родной

остров. Он отвечал на все вопросы со спокойной властью, создавая у меня впечатление, будто в нашей беседе главенствует он, а не я, и лишая меня возможности получить хоть какое-то представление о его личной жизни. И давая понять, что решение о том, работать на нас или нет, будет принимать он, сколько бы я его ни уговаривала. Сейчас ему за пятьдесят, он среднего роста, с пристальным взглядом и красивой внешностью уроженца Западной Африки; его лысая голова блестит в свете люстры. Уэсли железной рукой управляет своей командой из одного садовника и двух горничных, работающих неполный день. У него такой же волевой характер, как и у моего мужа, и он до сих пор тщательно скрывает свою личную жизнь.

По тому, как Уэсли отказывается встречаться со мной взглядом, я понимаю, что он чем-то недоволен. Заговаривает лишь после долгого и неловкого молчания.

– Предполагалось, что вы, леди Ви, предупредите меня о своем прибытии заранее, за несколько дней, а не за несколько часов. Тогда я мог бы позаботиться о том, чтобы у нас было все необходимое. Вы знаете об этом, но всегда забываете.

– Извини, Уэсли, просто я решила приехать пораньше. Спасибо, что пригнал для меня багги. Как ты поживаешь, как твоя семья? Я давно тебя не видела.

– Все хорошо, спасибо. Что вам приготовить на завтрак?

– Я пойду, немного поплаваю. Меня вполне устроят сок и тост.

– Сок? Тост? – От удивления его глаза округляются, хмурая складка между бровями становится еще глубже. – Как вы доберетесь до обеда с таким завтраком? Мисс Лили позавтракала яйцами, беконом и жареными помидорами, прежде чем отправилась на свою лодку.

– Разве я когда-либо завтракала чем-то горячим?

Уэсли неодобрительно фыркает.

– Плавайте сколько хотите, леди Ви. Мы найдем для вас что-нибудь приемлемое, если вы дадите нам время.

Он выпроваживает меня, и я оказываюсь на террасе, где новая горничная раскладывает на одном из столов мои лучшие столовые приборы, затем ставит страстоцветы в мою любимую вазу. Я приветствую ее улыбкой, но она не поднимает глаз; робость мешает ей ответить. В полнейшем спокойствии я кладу коралл в цветочный горшок на террасе. По опыту знаю, что Уэсли, несмотря на ворчание, рад меня видеть; просто ему нужно поддерживать репутацию жесткого руководителя. Пройдет целая вечность, прежде чем мне принесут еду, и после этого можно будет начать процесс примирения. Я предоставляю ему полную власть в управлении домом и моей маленькой командой слуг, и он еще ни разу не разочаровал меня. Большая часть наших разговоров – игра в политику балансирования на грани войны, однако я почти уверена, что наши отношения скоро снова станут душевными. Я не пожалела о том, что наняла столь принципиального человека. Он единственный на Мюстике, кроме меня, у которого хватает смелости противостоять Джасперу.

Меня охватывает радостное возбуждение, когда я спускаюсь по ступенькам к ближайшему пляжу, расположенному в сотне метров от «Райского уголка». На пляже, как всегда, пусто, светлая песчаная полоса окаймлена пальмами, настолько сильно оплетенными лианами, что через них не проникает свет. Сегодня вода спокойная. На Мюстике не бывает приливов и отливов; океан каждый день на несколько дюймов надвигается на берег, а потом отодвигается; он словно боится обнять сушу и тем самым напоминает робкого поклонника.

Я вхожу в воду, и заботы отлетают от меня. Вода лишь на несколько градусов ниже, чем температура тела, достаточно прохладная, чтобы по коже пробежали мурашки. В нескольких футах от меня на поверхность поднимается черепаха. Я плыву на спине, и время исчезает. Я учила своих детей плавать, когда в этих водах жили тысячи черепах. Мы часами собирали ракушки и делали из них ожерелья.

Солнце греет меня, и мои мышцы расслабляются, а настроение улучшается. Вернувшись к берегу, я еще некоторое время нежусь в теплом воздухе. С годами моя любовь к этому месту не изменилась, она только упрочилась благодаря воспоминаниям. В сердце королевы Мюстик тоже занимал особое место. Я все еще помню, в каком она была восторге, когда плавала в Макарони-Бэй, точно зная, что никто не будет ее фотографировать. С тех пор у нее больше не было возможности получить такое глубокое отдохновение, так что остров сохраняет особую магию в ее глазах.

Я все еще ощущаю душевный подъем, когда иду домой. Хосе нигде не видно, и сейчас не самое подходящее время для того, чтобы просить Уэсли привести его, потому что это опять вызовет недовольство дворецкого. Я беру паузу и звоню мужу. Он все еще в состоянии удивлять меня. Вчерашнее раздражение моим отсутствием сменилось отчаянием. Когда Джаспер слышит, что я уже на Мюстике, он раздражается слезами – ведь он знает, что сможет присоединиться ко мне, только когда отменят штормовое предупреждение. Меня вдруг охватывает чувство вины. Наверное, это ужасно, когда тобой управляют эмоции, когда малейший толчок может сбить тебя с курса. Я слушаю, как стихают его всхлипы, затем произношу несколько ободряющих слов. И не прощаюсь, пока не убеждаюсь, что с ним всё в порядке.

Поднимаюсь наверх, чтобы одеться, затем гуляю по саду, где передо мной воочию предстают достижения мастерства Хосе. Он выращивает и фрукты, и цветы; плоды лаймовых и лимонных деревьев, маракуйю и авокадо скоро можно будет есть. Когда мы приехали сюда, я пыталась вырастить розы, но из этого ничего не вышло – в тропических условиях выживают лишь самые сильные растения.

Бугенвиллея усыпает лужайку неоновыми-розовыми цветами. Я останавливаюсь у живой изгороди; вилла Фортини скрыта от меня древовидными папоротниками, и признаков жизни там не видно. Окна закрыты, в бассейне плавают опавшие листья, и факт отсутствия Аманды вдруг становится очевидным. Пауло и Джованна Фортини – наши добрые друзья, их большая итальяно-американская семья регулярно приезжает на Мюстик. Они известные филантропы и с тех пор, как их бизнес расширился, раздают огромные суммы, однако разрыв в богатстве между Амандой и Лили никогда не имел значения. Девочки неразлучны с детства, они каждое лето играли вместе или бегали на пляж к своим друзьям Саше и Томми. Здесь детям всегда разрешалось бродить где угодно. Если один из моих детей терялся, кто-то всегда знал, в чей дом он пошел или на чьем пляже предпочел строить замок из песка. Мюстик – это заповедник для младшего поколения, и в этом состоит одно из главных достоинств острова.

Я снова устремляю взгляд на виллу Фортини в надежде увидеть Аманду в окне, но вижу только отражение солнца.

Когда я сажусь, объявляется Уэсли. На его лице торжественное выражение. Он подталкивает вперед новую горничную, которая не отрывает взгляда от белой скатерти. Уэсли требует от своего персонала быть видимыми, но неслышными,

как хорошие викторианские дети. Горничная ставит поднос, и он взмахом руки отсылает ее на кухню. Несмотря на его бурчание, еда очень изысканная: нарезанное ломтиками манго, греческий йогурт с медом и два больших круассана.

– Все отлично, спасибо, Уэсли. – Мой дворецкий собирается удалиться в дом, когда я спрашиваю: – Могли бы мы с тобой обсудить грядущую вечеринку для Лили?

– Я в вашем распоряжении. «Хлопковый склад» обеспечивает выездное обслуживание и организует освещение и музыку в Британния-Бэй. Я также заказал все помещения в «Светлячке», как вы и предлагали.

– Замечательно; мелкие детали мы можем обсудить позже. Нам нужно, чтобы все работало как часы; я намерена решать организационные вопросы, когда Лили нет дома. Будь любезен, в следующий раз, когда натолкнешься на Хосе, попроси его прийти ко мне.

– Что-то случилось, леди Ви?

– Вовсе нет, хочу сказать ему пару приятных слов. Сад просто изумителен.

– Я рад, что вам нравится.

– Ты слышал, что пропала Аманда Фортини? Ты что-нибудь знаешь об этом?

Он качает головой.

– Барышня не снисходит до разговоров со мной. Она помогает мисс Лили на рифе – это все, что я знаю.

Я чувствую, что Уэсли настроен негативно по отношению к девочке, но наши взаимоотношения еще слишком хрупки, чтобы я задавала ему вопросы. Поэтому я просто извещаю его о том, что в обед ко мне присоединится Филип Эверард, и он уходит. Пройдут часы, прежде чем Уэсли удостоит меня улыбки, но к вечеру, возможно, уже поделится новостями.

Пока я ем, мое внимание поглощено океаном. Никаких признаков, возвещающих о приближении шторма «Кристорбаль», нет; море мерцает, как бледно-голубой шелк. Мне всегда казалось странным, что метеорологи дают ураганам, несущим с собой страшные разрушения, такие красивые имена. Обычно на нас обрушиваются лишь отголоски яростных циклонов, проносящихся над Атлантикой в сезон ураганов, но этот, вероятно, стал исключением. «Кристорбаль» все еще кружит над Восточным побережьем Америки, однако Лили предпочитает игнорировать прогнозы погоды. Она не поплывет на риф только в том случае, если шторм будет девять баллов.

Мой завтрак почти закончен, когда на лужайке появляется Хосе. Он наклоняется над клумбой и выпалывает сорняки. Я подзываю его. Он спешил ко мне, так и не выпустив тяпку из рук, как будто собирается защищаться ею. Атлетического телосложения, с тонкими креольскими чертами, позолоченной солнцем кожей и вьющимися волосами до плеч, вблизи он выглядит мальчишкой, несмотря на то, что ему двадцать пять. Я еще помню тот день, когда мать привела его на нашу виллу и за него отвечала на все вопросы. Она заверила меня в том, что он хороший работник, что понимает речь, хотя и не может говорить.

Сегодня взгляд его янтарных глаз тревожен. Он не улыбается, когда я благодарю его за отличную заботу о саде и бассейне. Выражение на его лице остается бесстрастным, когда я объясняю ему, что он не должен преследовать Филипа или бродить по моему саду по ночам без серьезных на то оснований. Я уверена, что он понял все до последнего слова, однако на его лице отражается единственная эмоция – облегчение, – когда я отпускаю его. Мой молодой садовник быстро уходит прочь, продолжая сжимать в руке садовый инструмент, как мушкет. Разговор оставляет у меня неприятное чувство. Я никогда не могла уяснить, как много понимает Хосе, но надеюсь, что он прекратит вести себя странным образом, иначе я буду вынуждена говорить с его матерью, на которую и так давит необходимость заботиться о своей большой семье.

Я допиваю кофе, и тут появляется еще один гость. В молодом человеке, которому мы с Джаспером оказали финансовую поддержку для получения университетского образования, я не сразу узнаю Соломона Найла; мне доставляет удовольствие видеть его. Я не могу удержаться от улыбки – уж больно неловко он чувствует себя в полицейской униформе; его рубашка столь тщательно отглажена, что складки на рукавах остры, как бритвы. Очки в тонкой золотой оправе выглядят не к месту, в остальном же он внешне напоминает боксера-тяжеловеса.

– Соломон Найл, в последнюю нашу встречу ты был нескладным подростком... Приятно видеть тебя в добром здравии.

Он протягивает руку, чтобы поздороваться, но я приподнимаюсь на цыпочках и чмокаю его в щеку.

– Добро пожаловать домой, леди Вероника. Вас слишком долго здесь не было.

– Пожалуйста, называй меня Ви. Я слышала и о дипломе с отличием, и о твоём решении поступить в полицию. Садись и рассказывай обо всем. Мы с Джаспером предполагали, что ты останешься в университете.

Он садится на стул.

– Я даже выбрал тему для кандидатской, но потом понял, что предпочитаю заниматься чем-то практическим. И мне захотелось все изменить. Меня отобрали на курсы ускоренной подготовки офицеров полиции в Оксфорде.

– А я вот не училась в университете. Мы оба очень гордимся тобой.

– Все благодаря вам и лорду Блейку.

– Прошу тебя, Соломон, давай без благодарностей. Мы получали от тебя десятки писем и открытки на Рождество, от которых я была в восторге. А твоя выпускная фотография так и стоит у нас на камине. В шапочке и мантии ты был красив до умопомрачения.

– Я не рассчитывал зайти так далеко.

– Мисс Эвелин сказала, что ты был самым одаренным из всех ее учеников. Ты ведь помнишь ее, да?

Его глаза весело блестят.

– Мы и сейчас поддерживаем связь, она уже не такая строгая. Мисс Эвелин так ратовала за высокие оценки, что била меня линейкой по костяшкам пальцев каждый раз, когда я делал промах, и это заставляло меня сосредоточиться.

– Я очень рада, что ты вернулся, но и удивлена тоже.

– Ситуация изменилась, леди Ви. Отец неважно себя чувствует.

– Печально это слышать.

– Он не жалуется, но болезнь Паркинсона сильно портит ему жизнь.

– Для такого энергичного человека это очень тяжело. Уверена, у него до сих пор сердце воина, хотя тело и ослабло. Он активно защищал права острова на рыболовство и заработал себе репутацию борца. Я помню, как Осия и его коллеги расправились с конкурирующими рыбаками, пришедшими с Бекии. Даю слово навестить его в ближайшее время; Осия всегда был мне другом. Но ведь ты здесь из-за Аманды Фортини, верно?

Найл вынимает из кармана блокнот. Он снова смотрит на меня, и сейчас его взгляд похож на лазер, такой же точный и острый.

– Леди Ви, что вы знаете о ней?

– Аманда помогала с проектом по сохранению жизни на рифе. Она одна из близких подруг моей крестницы и наша соседка.

– Вы могли бы описать мисс Фортини?

– Люди считают Аманду светской львицей, потому что ее любит желтая пресса, но из нее получилась великолепная бизнес-леди, несмотря на ее молодость. Художественная галерея Аманды в Нью-Йорке процветает; поэтому ей нравится каждое лето приезжать сюда – чтобы расслабиться. Она из тех девочек, что привлекают внимание; на них летят, как мотыльки – на огонь. Выглядит как самая обычная красотка, но при этом умна и хороший товарищ.

– У нее был молодой человек?

– Вот об этом надо спросить Лили; она в гавани Старой плантации. Я не вмешиваюсь в любовные дела молодежи, это истощало бы мои силы.

– Я не виню вас, леди Ви. Сейчас же поговорю с вашей крестницей.

– Задержись на минутку, пожалуйста. Мне приятно поболтать с тобой. Соломон, ты не скучаешь по историческим трудам?

– Каждый день, леди Ви. Но прошлое значит гораздо меньше, чем настоящее. – Лицо Найла впервые освещает улыбка, и от этого в его глазах за очками появляется блеск.

– Расскажи, как ты проводил время в Оксфорде.

– С радостью, если вы просветите меня кое в чем. Вы, случайно, не знаете, у кого из жителей острова есть большие скоростные катера?

Вопрос заставляет меня рыться в памяти.

– Один приписан к «У Бейзила», один есть у Фила Эверарда, еще у доктора Банбери и Кита Белмонта... Сама я их не выношу; они потребляют слишком много топлива и страшно шумят. А почему ты спрашиваешь?

– Это касается моего расследования.

Я наблюдаю, как Соломон записывает имена в свой блокнот, затем забрасываю его новыми вопросами, пока он не делится со мной всеми подробностями своей жизни в Великобритании. В оксфордской полиции Найл закончил ускоренные офицерские курсы, что позволяло ему занять доходную руководящую должность, однако он предпочел вернуться, а не высылать отцу деньги. Мне интересно почему, но я не спрашиваю. Я потрясена его достижениями и с удовольствием слушаю его приятный баритон. Он выглядит как спортсмен, а не как детектив, но мы с Джаспером были правы, когда купили ему образование. Интеллект Соломона проявляется в его пристальном взгляде и точном построении фраз. Если ему и удастся доставить подругу Лили домой целой и невредимой, мы будем от всей души ему благодарны.

Детектив Найл задает еще несколько вопросов об Аманде Фортини и прощается. Стиль общения леди Вероники не изменился с тех пор, как она в последний день его учебы в школе вручила ему похвальную грамоту. Сейчас ей, должно быть, почти семьдесят, но выглядит она молодо – ей можно дать чуть больше пятидесяти. Одета леди Ви все так же элегантно и изысканно. Сегодня на ней все белое: свободная туника, легкие брюки; лицо от солнца закрывает соломенная шляпа. Ее манеры все еще игривые, но решительные; кожа очень белая, так как она, вероятно, очень тщательно оберегает ее; взгляд живой и мудрый. Когда Найл уходит, на него еще сильнее давит необходимость найти пропавшую женщину. Леди Ви и лорд Блейк выделили ему такую щедрую финансовую помощь, что он просто не может подвести их.

Сегодня детектив ходит пешком в надежде увидеть больше. Маршрут приводит его в северную часть острова. Это самый густонаселенный район Мюстика – виллы стоят через каждые несколько сотен метров. Застройщики пытались скрыть их за высокими стенами и быстрорастущими растениями, но здания все равно торчат из земли, как грибы. В детстве Соломон любил кататься здесь на велосипеде и любоваться красивыми домами. Одни напоминают сказочные замки, другие – поместья в Тоскане или в Англии. Этот район просто купается в деньгах, и все же он похож на город-призрак. Большинство рок-звезд, аристократов и миллионеров, которые приезжают на свои дачи раз в год, уже разъехались по домам. У всех вилл есть ласковые названия – «Колибри», «Спокойствие» и «Цветок лотоса», – но их окна закрыты уродливыми металлическими ставнями.

Лодка леди Колдер пришвартована на защищенном, западном берегу, который выходит на Карибское море, а не на грубую Атлантику. Бухта Старой плантации – самая маленькая на острове. У пристани привязано с десяток рыбацких лодок. Почти у всех здесь есть лодка того или иного вида, от каное до тридцатифутовой яхты. Более крупным судам приходится стоять на якоре в море, потому что в гавани мелко. А мегаяхтам приходится использовать катера, чтобы добраться до берега, – правда, при условии, что у них есть приглашение. Лодка Колдер, «Возрождение», – переделанный рыболовный траулер, выдавший лучшие дни. Найл подходит к пристани, но Колдер нигде не видно. Его задача – проверить два больших скоростных катера, пришвартованные по обе стороны от причала. Огромные «Бэйрайдер XF7», на которых может разместиться не менее десяти человек, пыжаты кожаными сиденьями и сверкающим хромом поручней. По наклейкам на носу Найл выясняет, что катера принадлежат двум постоянным обитателям острова, Филипу Эверарду и Киту Белмонту. Оба являются

представителями шоу-бизнеса, но детектив с ними не знаком. Катера выглядят безупречно, на корпусах из стекловолокна ни единого повреждения. Так как на гавань не выходят окна ни одной виллы, Найлу придется потрудиться, чтобы доказать, что один из этих катеров покидал гавань в то утро, когда пропала Аманда Фортини. Проверить нужно еще две лодки.

Найл громко кричит, спрашивая разрешения подняться на борт лодки Лили Колдер, но ответа не получает. Женщина, появляющаяся из каюты, приводит его в ошеломление. Она высокая и длинноногая, у нее блестящие черные волосы; движения плавные, как у балерины. Через футболку, доходящую до бедер, проглядывает желтый купальник, на темени балансируют солнцезащитные очки. Она окидывает детектива оценивающим взглядом, прежде чем спрятать голубые глаза за очками. Найл рад тому, что женщина не увидела его глаз – есть надежда, что она не заметила, как он оглушен. Соломон обретает дар речи только тогда, когда она с протянутой рукой проходит вперед.

– Детектив-сержант Соломон Найл?

– Все верно, мисс Колдер. Вы звонили по поводу своей подруги.

– Называйте меня Лили. Я надеялась увидеться с вами еще вчера.

– Я искал вас и здесь, и у вас дома. Должно быть, мы разминулись. – Выражение на ее лице остается настороженным. – Вы могли бы еще раз изложить мне имеющуюся у вас информацию?

Она садится на скамью на корме и жестом предлагает Найлу занять место рядом.

– Аманда сказала, что зайдет ко мне в пятницу вечером, но так и не пришла, что не в ее характере. За все годы, что мы знакомы, она ни разу не подводила меня. Вчера утром я зашла на ее виллу, но Аманда там не ночевала. И она не отвечает по мобильнику.

– Один человек из Лоуэлла видел, как она утром плавала в Британния-Бэй. С тех пор ее никто не видел.

Когда Лили снимает очки, Найл понимает, что она напугана, что в ней нет никакой надменности. В ее глазах отражается ужас.

– Она не могла утонуть. Она все лето ныряла со мной на рифе; она отлично плавает.

– Вполне возможно, Аманда поплыла к той большой яхте, что видно отсюда. Вам известно, кто владелец?

– Сомневаюсь в этом. Она бы сказала, если б на яхте прибыли друзья.

– Когда Аманда плавала, в заливе видели большой скоростной катер, такой же, как те, что пришвартованы здесь. Вам известно, не выходил ли один из них в море в то утро? Возможно, водитель видел ее в воде.

– Этими катерами почти не пользуются. Не знаю, зачем Фил держит его здесь – в последнее время он плохо переносит качку. Кит берет свой время от времени, но я постоянно упрекаю его за это, потому что катер ест слишком много топлива.

– Спасибо, это очень полезная информация. Скажите, а у Аманды был молодой человек здесь, на Мюстике?

– Она встречалась с Томми Ротмором, но несколько месяцев назад они расстались, что далось ей нелегко. Ведь мы многие годы дружили вчетвером: Аманда, Саша, я и Томми. В детстве мы были как братья и сестры. Томми тоже вызвался помогать с проектом на рифе, но после разрыва перестал выходить с нами. Аманда намекала, что встретила другого, но у нее с ним ничего не получилось. Может, она не хотела распространяться о неудачной попытке...

– Почему?

– В Америке Аманда знаменитость, Томми тоже из известной семьи. Думаю, на этот раз она хочет сохранить свою личную жизнь в тайне, но в начале этого года они с Томми поговаривали о помолвке. Еще она не хотела ранить его чувства.

– Вы можете вспомнить, не совершала ли Аманда какие-то необычные поступки? Нечто такое, что было не в ее характере?

Молодая женщина задумывается.

– Несколько недель назад я видела ее в Бамбуковой церкви, что показалось мне странным. Ее родители очень набожны, а она почти не ходит в церковь. Их разговор с пастором Боакье выглядел напряженным. Они сидели рядышком на скамье. Я потом спросила ее об этом, но она сменила тему.

Бамбуковая церковь стоит рядом с аэропортом; это примитивное строение, в котором ежегодно проводится множество церемоний. Найл несколько раз встречался с пастором Боакье; тот произвел приятное впечатление на местную общину.

– Я зайду к нему. – Найл что-то пишет в своем блокноте. Он поднимает голову и видит, что Колдер внимательно, будто под микроскопом, изучает его. – Обещаю выяснить, что случилось с вашей подругой.

В ее глазах блестят слезы, и она быстро смахивает их.

– Я очень беспокоюсь, поэтому я постоянно здесь, занимаю себя каким-нибудь делом. Аманда мне больше сестра, чем подруга. Чем я могу помочь?

– Скажите, были ли у нее на Мюстике враги?

Колдер качает головой.

– Ни одного. Правда, они с Сашей недавно поссорились. У них все было хорошо, пока между ними не встал Томми. Думаю, Саша приревновала, когда Аманда стала встречаться с ним в прошлом году. Она навещала его после того, как их отношения закончились.

– У Аманды здесь много близких друзей?

– Все ее любят. Аманда – свободолюбивая золотая девочка, весь мир у ее ног, но это не испортило ее. Она верит в мой проект и сама вызвалась помогать. Мы неделями проводили здесь время, ныряли...

– А в чем состоит задача?

– Мы прививаем живой коралл на обесцвеченные участки. Уже есть признаки восстановления. – Она сникает, энтузиазма как не бывало. – Только вот кому-то не нравится моя работа. Вы слышали о том, что на прошлой неделе на моей лодке появилось граффити?

– «Уезжай с Мюстика или умри, как коралл». Как вы думаете, кто это сделал?

Она отвечает не сразу.

– Наверное, Томми, чтобы расстроить Аманду. Я тепло отношусь к нему, он мой друг, но он невероятно чувствительный. Обычно пьет мало, но после их разрыва здорово пристрастился к выпивке.

– Есть что-нибудь еще, что мне следовало бы знать?

– В четверг кто-то преследовал меня, когда я шла домой; потом это повторилось вчера вечером. Я слышала шаги, когда шла через лес. Но когда я поворачивалась, дорога была пуста.

– Пожалуйста, не ходите одна по ночам, пока Аманда не вернется домой.

Она опять устремляет живой взгляд голубых глаз на Найла.

– Вы думаете, она в опасности, да?

– Я скоро это выясню, – отвечает сержант, вставая. – Спасибо, что уделили мне время.

– Пожалуйста, позвоните мне, когда у вас будут новости.

– Мисс Колдер, советую вам сегодня остаться в гавани. Если начнется шторм, вы от него не убежите.

– По радио говорят, что он придет не скоро. – На ее лице мелькает улыбка. – Мне просто нужно проверить, прижились ли мои последние прививки; это быстро.

Найл понимает, что еще один совет будет пустой тратой сил. Лили Колдер уже укладывает баллоны с кислородом, готовясь к погружению. Женщина настолько красива, что оставляет отпечаток в его сознании, однако она из другого мира. Детектив отталкивает влечение, пока оно не оставило свою отметину в душе, и все же ее голубые глаза продолжают волновать его, пока он ходит по острову.

Глава 8

Бар «У Бейзила» – одно из моих любимых мест на Мюстике, поэтому я отправляюсь туда пить утренний кофе и иду пешком, а не еду на багги. По извилистой дороге до Британния-Бэй всего двадцать минут. Я помню, что когда-то бар был жалкой лачугой на пляже с несколькими столиками, теплым пивом и костровой ямой для ночных любителей барбекю. Сейчас это уже более изысканное заведение. Залив выглядит замечательно: море похоже на гладкую голубую ленту, соединяющую океан с небом.

Я сажусь на барный стул и представляю это место таким, каким оно было в самом начале, с длившимися всю ночь вечеринками, танцами лимбо[9 - Танец лимбо заключается в проходе человека под заранее установленной планкой. Танцор, следуя ритму играющей музыки, подходит к планке и отклоняется назад.] и купанием нагишом. В те времена остров напоминал большое загородное поместье: все знают друг друга, все беззаботны. Бар существует только потому, что мой муж в Сент-Винсенте случайно нашел на обочине одного молодого человека. Бейзила Чарльза сбила машина, и Джаспер доставил его в больницу. Они поддерживали связь. Нам обоим так понравился этот харизматичный молодой мужчина, что мы привезли его на Мюстик и помогли ему наладить работу бара. Я оглядываюсь в поисках его белых волос и легендарной улыбки, но Бейзила нигде нет. У него сейчас так много коммерческих предприятий, что он редко бывает на Мюстике, зато обязательно приезжает на ежегодный Голубой фестиваль, который сам и основал много лет назад.

В мужчине, сидящем у стойки, я узнаю Декстера Адебайо. Ему за пятьдесят, но я помню его молодым и красивым инструктором по дайвингу, который только что получил разрешение на то, чтобы сопровождать постояльцев гостиницы, когда у тех возникает желание исследовать риф. У него свой маленький бизнес, и он набрал несколько стоунов[10 - Стоун – английская мера веса, равная 6,35 кг.];

теперь это крупный мужчина с величавыми манерами, которые контрастируют с его яркой одеждой. На нем цветастая гавайка, сильно поношенные джинсы; на голове толстые седые дреды. Благодаря спокойному характеру он заработал репутацию хорошего слушателя. Если б Декс продавал секреты, доверенные ему богатыми отдыхающими во время выходов в море, он уже стал бы миллионером. Мне кажется, что Декстер постарел с нашей последней встречи; когда он видит меня, его лицо расплывается в улыбке, и лишние годы словно исчезают.

- Добро пожаловать домой, леди Ви. Вы все еще самая красивая женщина на Мюстике.

- Какой же ты льстец, Декс.

- Позвольте принести вам что-нибудь выпить.

- Ты очень добр. - Я пересаживаюсь поближе к нему. - Эспresso и стакан минеральной воды, пожалуйста. Я уже не пью так, как в былые дни. Нужно ограничивать себя.

- Мне тоже. Алкоголь только по вечерам, днем - ни капли. Но мне все равно приятно выпить на коктейльных тусовках. Я здесь только для того, чтобы встретиться с группой туристов, собирающихся на дайвинг.

- Ты все еще сам водишь группы?

- Когда выпадает такая возможность.

- Можно я монополизирую тебя, пока они не пришли? Я бы с радостью послушала, что произошло в мое отсутствие.

- Буду рад поделиться, леди Ви.

Он заказывает еще два эспresso, и бармен варит их в темпе, который никогда не потерпели бы в Великобритании. Я замечаю, что после лета здесь прибавилось столиков и стульев, заведение сияет чистотой. Мы с Дексом чокаемся чашками и пьем за здоровье друг друга. Я чувствую, как он окидывает меня оценивающим взглядом, когда делает глоток. Декс из тех, кого трудно прочитать.

– Рассказывать особо не о чем, – говорит он. – Здесь мало что изменилось. Люди приезжают, чтобы хорошо провести время. А вы? Почему вы так долго избегали нас?

– Я ездила домой на похороны принцессы. Надо было кое с чем разобраться.

Декстер кивает на оправленный в раму портрет принцессы Маргарет над баром. На фотографии ей за тридцать; в те годы она больше походила на кинозвезду, чем на члена королевского семейства.

– Здесь начинала кипеть жизнь, когда она приходила сюда, танцевала с вами и лордом Блейком...

– Что случилось с ее домом?

– Несколько месяцев назад Les Jolies Eaux[11 - «Красивые воды» (фр.)] продали какому-то французскому бизнесмену. Он живет, как монах.

– Жаль. Дом создан для веселья...

– Весь остров с возбуждением обсуждает вечеринку в честь мисс Лили, до которой еще две недели. Я слышал, что наняли дополнительный персонал, чтобы подготовить пляж и построить сцену для музыки. Она наверняка будет в восторге. Не каждая девушка в свой двадцать первый день рождения слушает серенаду в исполнении Мика Джаггера.

– Он написал песню специально для нее.

– Мистер Джаггер тоже наполняет это заведение весельем. – Он снова изучает меня. – Я слышал, проект мисс Лили идет успешно. О нем говорили по радио, сказали, что он поможет местной экономике...

– Его все поддерживают?

– В Лоуэлле некоторые рыбаки жалуются, что поддерживали риф всю свою жизнь, но тут возобновился проект по возрождению, и девчонка берет на себя всю ответственность за работу матери. Мне в этих заявлениях слышится глупая

горечь.

– Зато это может объяснить, зачем кто-то написал «Умри, как коралл» на борту ее лодки.

Декстер изумленно таращится на меня.

– Любой мыслящий человек знает, как бережно она к нему относится. Точно так же, как ее мама. Она пытается все исправить с помощью научных знаний. Когда ныряю, я вижу, сколько она сделала.

– Надпись сделали на прошлой неделе, до того, как пропала Аманда Фортини.

– До меня доходили слухи. Ее так и не нашли?

– Нет. Декс, ты пробыл на острове все лето. Ты не видел, ей никто не доставлял проблем?

Декс колеблется, как будто взвешивает «за» и «против», прикидывая, говорить ли правду.

– Одно время был такой. Томми Ротмор. Парень заявился сюда пьяный, громко орал, выкрикивал оскорбления и размахивал кулаками. Обычно он серьезен и вежлив, но после того, как его родители вернулись в Великобританию, стал неуправляемым. Мне стало жалко парня, я увел его домой. С тех пор он держит себя в руках, но иногда наблюдает за ней.

– В каком смысле?

– Как ребенок глядит на солнце. Будто хочет навсегда запомнить эту золотую красоту, хотя и знает, что она ослепляет. Оно стоит тех страданий – взглянуть хоть одним глазком...

– У тебя, оказывается, есть скрытые таланты, – говорю я. – Ты прямо-таки поэт.

– Ему нужно двигаться дальше, но он не может оторвать себя.

Наш разговор резко прерывается, когда появляется группа Декса. Все держат в руках гидрокостюмы и маски с трубками и горят желанием приступить к погружению.

Я выхожу наружу, в тень, и потягиваю ледяную воду. В голове все крутятся слова Декса Адебайо; я много лет знаю Ротморов. Они одними из первых купили у нас виллу, так что придется потрудиться, чтобы убедить меня в том, что их единственный сын причинил какой-то вред своей бывшей девушке или написал злобное послание на лодке Лили. Но я не отрицаю, что мальчик мог потерять разум. В душе поднимается смесь любопытства и беспокойства, и я спешу домой, чтобы позвонить на виллу Ротморов.

Не знаю, почему вдруг я настораживаюсь, когда иду сквозь плотные заросли деревьев. Обычно мне нравится вдыхать сладковатый запах увядающих листьев, нравится, когда папоротники ласково касаются щиколоток, но сейчас я точно знаю, что кто-то наблюдает за мной. Я выработала у себя это свойство, когда присматривала за принцессой Маргарет, – мои антенны постоянно ловили малейшие признаки нежелательного внимания к ней. Останавливаюсь. На дорожке никого, даже ветер не колышет подлесок. Мне удастся увидеть его, только когда я вглядываюсь в заросли; я замечаю лицо в море зелени. Хосе Гомес внимательно смотрит на меня, но когда я окликаю его, он исчезает, словно клуб дыма.

Глава 9

Детектив Найл снова сидит в своем участке. Кондиционер все так же издает кашляющие звуки, но воздух не охлаждает. Шум дико раздражает детектива, и ему хочется схватить эту чертову штуковину и выбросить в окно, однако это приведет к тому, что его испытательный срок закончится с печальным результатом. Сержант бьется головой о стену разочарования. Первым делом он хочет повидаться с Томми Ротмором – если кто-то причинил вред Аманде Фортини, то лучше всего начать с ее бывшего парня, – однако молодой человек не берет трубку.

Последний час Найл ждет, когда его начальник в Сент-Винсенте пришлет по электронной почте ордер на обыск яхты, все еще стоящей на горизонте

Британния-Бэй. Пока документ не пришел, он снова просматривает информацию по судну. «Морская греза» была построена в Монте-Карло. Длинной шестьдесят метров, элит-класса, для выхода в океанические воды, с огромным топливным баком, что исключает частые подходы к берегу для дозаправки. Ее продали два года назад за тридцать миллионов долларов, зарегистрирована на компанию с ограниченной ответственностью под названием «Морская греза», имеющую право вести коммерческую деятельность в Южной Америке, но отсутствующую в интернете. Детектив уже проверил разрешения на скоростные «Бэйрайдеры», принадлежащие доктору Банбери и бару «У Бейзила», но катер, что Мама Тулен видела в Британния-Бэй в то утро, когда пропала Аманда Фортини, вполне мог быть с яхты. Не исключено, что он пришел за ней, и Аманда в настоящий момент на яхте, а он бессилён что-то сделать. Найл поводит плечами, опять глядя на распечатку. Ему нужно опросить экипаж на предмет того, не видел ли кто-нибудь Аманду Фортини в утро ее исчезновения. Сквозь закрытую дверь сержант слышит, как братья Лейтоны раздражаются хохотом, и догадывается, что объект шуток – он сам. Нет смысла сидеть сложа руки и ждать ордера, поэтому Соломон отправляется к единственному на острове священнику.

Бамбуковая церковь стоит на равнине в центре Мюстика, рядом с аэропортом. Когда она появляется в поле зрения, в Найле поднимается зависть к пастору – уж больно хорошее у него рабочее место. Здание стоит в тени слоновьего дерева, фотографии которого есть во всех путеводителях. Этому баобабу, должно быть, сотни лет; массивный ствол кренился на одну сторону. У него серая и рыхлая от возраста кора; длинная ветка склонилась до земли, и создается впечатление, будто слон пьет из бассейна. Найл помнит, как в детстве забирался на это дерево и представлял себя погонщиком, который верхом на слоне едет через джунгли. Все заканчивалось тем, что старый пастор отчитывал его за то, что он в субботу валяет дурака. Церковь представляет собой примитивный навес с крышей из бамбуковых шестов, чтобы уберечь паству, если во время службы начнется ливень. Обстановка включает простой стол, служащий алтарем, и тридцать-сорок деревянных скамеек.

Найл замечает пастора на опушке рядом с церковью. Тот покрывает лаком одну из лавок. Пастор Боакье без черного костюма и белого воротничка, на нем шорты и футболка с рисунком в виде разноцветных пятен. Когда детектив подходит к нему, он явно смущается, словно ему неловко, что его застали за неподобающей работой. Найл не очень хорошо его знает, но они примерно одного возраста, и Соломону доводилось слушать несколько его пылких проповедей, когда он был вынужден сопровождать в церковь отца. Рассказывали, что Боакье приехал сюда полгода назад из Лагоса, что епископ

возложил на него миссию покинуть Нигерию и отправиться в далекие земли. У священника экспансивная и угодливая манера общения; кажется, он полон решимости доказать свою полезность.

Пастор Боакье идет к нему с протянутой рукой, словно собирается зазывать его в лоно церкви, но с Найлом это безнадежное дело. Пока что детективу удавалось скрывать свою приверженность атеизму, однако Осия обязательно узнает правду, это лишь вопрос времени.

– Рад видеть вас, Соломон. Вы пришли, чтобы помочь мне приукрасить нашу церковь?

– Боюсь, не сегодня. Мне нужна ваша помощь, отец. Надеюсь, у вас есть минутка.

– Конечно, я в вашем полном распоряжении. – Священник ведет его к стоящей в тени лавке.

– Я ищу Аманду Фортини. Как я понимаю, она недавно приходила сюда, чтобы поговорить с вами...

Пастор быстро кивает.

– Она заходила несколько раз, хотя она и католичка, а церковь баптистская. Аманда просила о духовной поддержке, только я, боюсь, не могу нарушить конфиденциальность...

– Пожалуйста, говорите открыто; ее друзья очень встревожены.

– Могу сказать только то, что у нее были трудности.

– Аманда пропала примерно сорок восемь часов назад, отец. Не исключено, что ей угрожает опасность.

– Я очень хочу помочь, но она расстроится, когда узнает, что я обсуждаю ее тайны. – Священнику неловко. – Аманду беспокоили ее отношения с одним мужчиной. Она бросила молодого человека, который был глубоко к ней

привязан, потому что ее привлек другой. Она назвала его непредсказуемым, даже опасным. И пыталась найти в себе силы, чтобы перестать видеться с ним.

- Аманда говорила, как его зовут?

- Боюсь, нет. - Священник на мгновение прикрывает глаза, его лицо выражает сожаление.

- Наверное, после Лагоса вам тут тесно...

Пастор Боакье улыбается.

- Все достойны любви Господа, где бы они ни жили. Давайте вместе помолимся за Аманду, попросим, чтобы она целой и невредимой вернулась домой.

Найл на мгновение застывает.

- Я неверующий. Я привожу отца на службу, но сам уже давно в церковь не хожу.

- Для этого есть какие-то причины?

- Я потерял веру в одно мгновение.

- Печально, Соломон... Помните, я всегда здесь, если вам захочется поговорить. - Пастор подается вперед. - Я могу попросить Господа о помощи от вашего имени?

- Как хотите, отец. Мне пора возвращаться к работе.

- Приходите в любое время, если прошлое тяготит вас.

Детектив встает, бросает быстрое «спасибо» и уходит. Причина утраты им веры слишком уродлива, чтобы ее объяснять. Проще искать Аманду Фортини, чем возвращаться в прошлое.

Глава 10

Когда я возвращаюсь в «Райский уголок», кажется, что все вокруг дышит миром. Я уже загнала внутрь сознания мысли о странном поведении своего садовника. Уэсли изображает профессиональную улыбку, когда я объявляю о своем намерении освежиться перед обедом, но прежде я по стационарному телефону звоню на виллу Ротморов. Наверняка есть простое объяснение тому, почему Томми не берет трубку, – ведь найти человека на Мюстике легко. Управляющая «Хлопкового склада» извиняющимся тоном говорит, что молодой человек не был у них уже целую вечность. В последний раз он посещал ресторан с родителями в прошлом месяце, перед тем, как те улетели.

Я собираюсь получать удовольствие от обеда с Филипом, что бы ни случилось дальше. Есть опасения, что пропажа Аманды сильно повлияет на мою жизнь именно тогда, когда я должна сосредоточиться на организации вечеринки для Лили, однако я ненавижу бросать загадки до того, как они решены. Отодвигаю в сторону свою озабоченность, когда поднимаюсь наверх, – мне всегда нравилось накладывать макияж, я чувствую себя актером, готовящимся выйти на сцену; губная помада от «Шанель» – потрясающее средство для поднятия духа. Я удовлетворена результатом: законченный макияж прячет мою тревогу от чужих глаз.

Когда я спускаюсь вниз, Филип уже ждет. Он все еще остается самым очаровательным из моих друзей, даже сейчас. Неудивительно, что к его ногам падают и мужчины, и женщины, и старые, и молодые. Возможно, черная льняная рубашка, серые брюки и пляжные туфли выглядят просто, однако стоят они целое состояние. Гардероб этого человека забит костюмами от Бальмена и итальянскими джемперами из мериносовой шерсти. Он стоит, опершись на балюстраду, и смотрит на море; при виде меня его лицо освещается радостью. Приход актера улучшает и настроение Уэсли: мой дворецкий прибывает со свитой из двух горничных. Он с помпой водружает бутылку шампанского в ведерко со льдом и незаметно пятится. За годы я поняла, почему Уэсли злится; он перфекционист, что включает тщательное планирование, поэтому мельчайшие изменения вызывают у него полноценную панику. А вот Филип, в противоположность ему, абсолютно расслаблен, сидя в кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Примерно 27 градусов по Цельсию. – Здесь и далее прим. пер.

2

Примерно 192 см.

3

Ямайский легкоатлет, чей рост 195 см.

4

Природная вода (фр.).

5

Роман Джейн Остин.

6

Мик Джаггер (р. 1943) и Дэвид Боуи (1947–2016) – всемирно известные рок-музыканты.

7

Любимый декоратор принца Чарльза, Мика Джаггера, Чарльза Саатчи и других ценителей английской роскоши.

8

Геде – бог религии айоба, управляющий дорогой от жизни к смерти и загробным миром; его символ – крест на могиле. Имеет власть над зомби.

9

Танец лимбо заключается в проходе человека под заранее установленной планкой. Танцор, следуя ритму играющей музыки, подходит к планке и отклоняется назад.

10

Стоун – английская мера веса, равная 6,35 кг.

11

«Красивые воды» (фр.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/glenkonner_enn/ubiystvo-na-ostrove-myustik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)